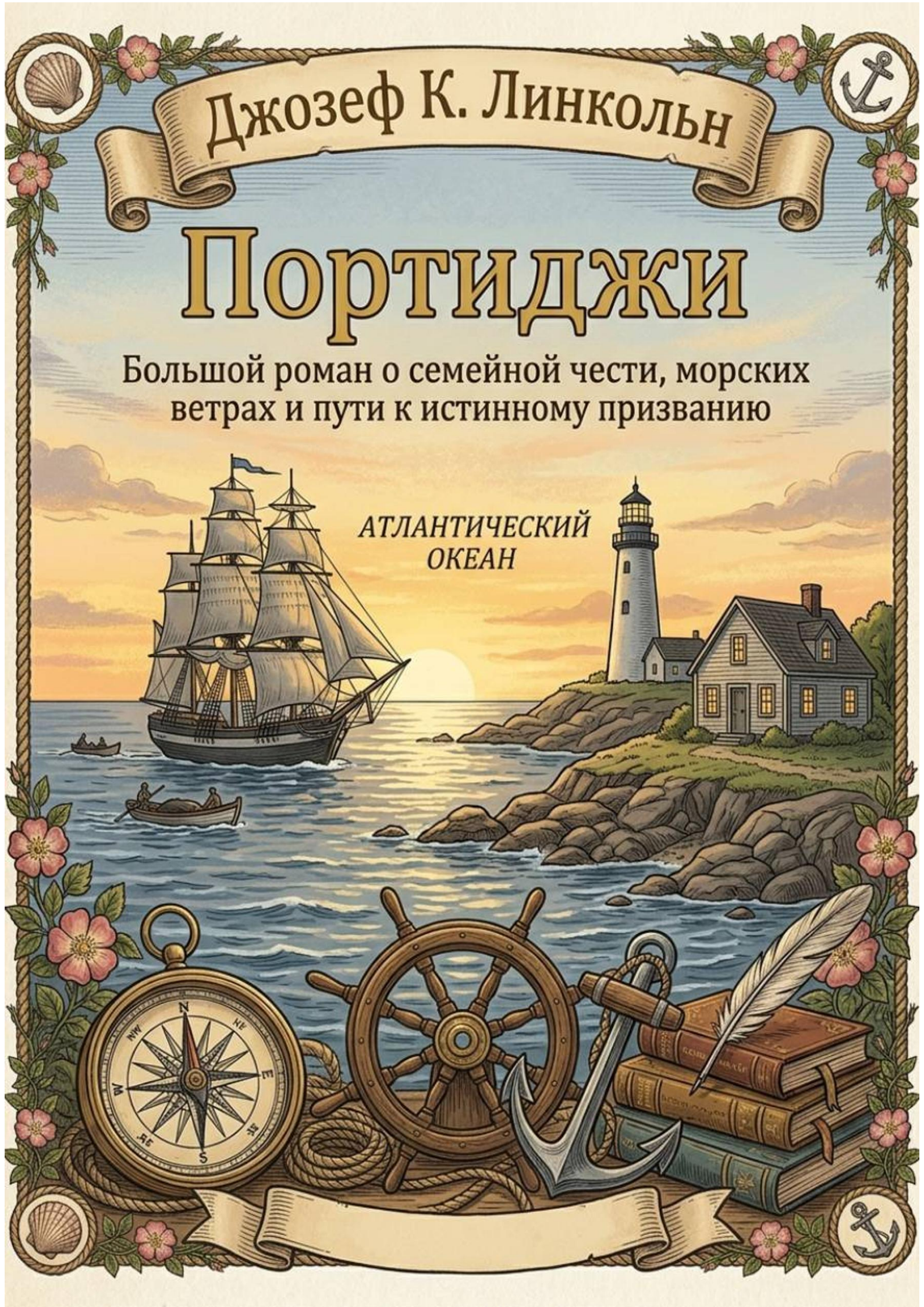

Джозеф К. Линкольн

Портиджи

Большой роман о семейной чести, морских
ветрах и пути к истинному призванию

АТЛАНТИЧЕСКИЙ
ОКЕАН

Джозеф К. Линкольн

Портиджи

«Автор»

2026

Линкольн Д.

Портиджи / Д. Линкольн — «Автор», 2026

Классический роман американского писателя Джозефа К. Линкольна «Портиджи» (1919–1920) переносит читателя на живописное побережье Новой Англии, в тихий прибрежный городок Саут-Харвич. В центре истории — молодой и амбициозный Альберт Сноу, внук сурового отставного капитана Зенаса Сноу. Носящее презрительное прозвище «Портиджи» из-за своего португальского происхождения, юноша сталкивается с консервативным укладом пуританской общины, предрассудками местных жителей и собственными юношескими иллюзиями. Ему предстоит пройти долгий путь взросления, отказаться от столичного снобизма и познать ценность честного труда, семейной преданности и настоящего характера. Это глубокая и увлекательная история о столкновении культур, поиске своего истинного призвания, семейной чести и преодолении любых жизненных штормов под вечными ветрами Атлантики.

© Линкольн Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Персонажи романа	7
Главные герои	8
Альберт Сперанца — Альберто Мигель Карлос Сперанца, прозванный «Портиджи»	8
Капитан Зелотес Сноу, обычно называемый капитаном Лоутом	8
Оливия Сноу	8
Второстепенные персонажи	9
Элен Кендалл	9
Рейчел Эллис	9
Лейбан Килер	9
Иссахар Прайс и жители Саут-Харнисса	9
География романа	10
1. Полуостров Кейп-Код, Массачусетс	11
2. Вымышленный городок Саут-Харнисс	12
3. Контраст: Престижная школа-интернат и «Большой мир»	13
Атмосфера романа	14
Проработка характеров	15
1. Эволюция главного героя: Альберт Сперанца	16
2. Дед, капитан Зелотес Сноу: твёрдость и верность традициям	17
3. Второстепенные персонажи как живой фон	18
4. Приемы проработки характеров	19
Язык романа	20
1. Язык повествования и общего текста	21
2. Язык персонажей: Речевая индивидуализация	22
3. Язык природы и описания окружения	23
Морские идиомы	24
1. Морская оценка людей и их характера	25
2. Принятие решений, поведение и труд	26
3. Оценка ситуаций, проблем и опасностей	27
4. Характерные междометия и разговорные формулы	28
Фразеологизмы капитана Сноу	29
1. Оценка людей и характера	30
2. Принятие решений, поведение и дисциплина	31
3. Реакция на проблемы и жизненные кризисы	32
4. Вводные слова, междометия и маркеры речи	33
Детали быта в романе	34
1. Дом капитана Зелотеса Сноу: Крепость и уют	35
2. Гастрономический колорит: Кухня Новой Англии	36
3. Торговая лавка и общественные пространства	37
4. Одежда и повседневные ритуалы	38
5. Сезонность быта	39
Описание кулинарных сцен	40
1. Кулинарные символы дома и традиции	41
2. Контраст и эволюция восприятия Альберта	42
3. Детали кулинарного быта и атмосфера кухни	43

Устройство дома	44
1. Архитектура и внешний облик	45
2. Планировка и внутренние пространства	46
3. Декор и «морской след» в интерьере	47
4. Контраст восприятия: Альберт и дом	48
Детали быта	49
1. Фирма «З. Сноу и К°»: работа и общение	50
2. Одежда: Социальный маркер и предмет конфликта	51
3. Хозяйственный уклад и домашние ритуалы	52
4. Повседневный гигиенический быт и утварь	53
Глава 1	54
Глава 2	66
Глава 3	75
Глава 4	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Джозеф К. Линкольн

Портиджи

Предисловие переводчика

В мир Кейп-Кода: человеческие характеры в романе Джозефа Кросби Линкольна «Портиджи»

Джозеф Кросби Линкольн (1870–1944) — американский писатель, поэт и рассказчик, чьё творчество тесно связано с полуостровом Кейп-Код в штате Массачусетс. Его герои — жители приморских городков Новой Англии: отставные капитаны, торговцы, домохозяйки, молодые люди, ищущие своё место в жизни. В его прозе наблюдательность и юмор соединяются с вниманием к человеческим слабостям и достоинствам.

Роман «Портиджи» вышел отдельной книгой в 1920 году. Его главный герой, семнадцатилетний Альберт Сперанца, после смерти отца покидает частную школу и приезжает в Саут-Харнисс к деду и бабушке, которых прежде не знал. Его мать, Джейн Оливия, была дочерью капитана Зелотеса Сноу, а отец, Мигель Карлос Сперанца, — испанским оперным певцом. Прозвище «Портиджи», происходящее от разговорного обозначения португальца, отражает предубеждение окружающих, а не точное происхождение героя.

Линкольн мастерски разворачивает перед читателем классическую для американской прозы тему столкновения поколений, юношеских иллюзий и суровой житейской прозы. Альберт мечтает о высокой литературе и поэзии, в то время как дед и местные жители ценят лишь честный труд, здравый смысл и умение крепко стоять на ногах в любых штормах.

Особенности перевода и сохранения атмосферы

При переводе романа на русский язык главной задачей переводчика было бережно сохранить неповторимый колорит прибрежной Новой Англии:

Морская лексика и быт: Быт жителей Кейп-Кода пропитан духом океана. Все метафоры, сравнения и обиходные выражения местных моряков, рыбаков и торговцев переданы с вниманием к исторической и терминологической точности.

Характерный юмор и диалоги: Юмор Джозефа Линкольна — тонкий, ироничный, но всегда добрый. В диалогах персонажей сохранены индивидуальные речевые особенности, просторечные нотки и народная мудрость старой Америки.

Полнота текста: в переводе сохранены все двадцать глав романа, развитие характеров, диалоги и авторские отступления. Задача издания — передать литературный текст, а не пересказ сюжета.

Пусть эта книга станет для вас не просто увлекательным путешествием в тихий прибрежный городок прошлого столетия, но и поводом задуматься о вечных ценностях: поисках своего истинного «я», уважении к старшим и силе характера, способной выдержать любые жизненные бури.

Владимир Давыдов

Персонажи романа

Герои романа связаны семейными, дружескими и деловыми отношениями. Их разногласия помогают Линкольну исследовать предрассудки, ответственность и взросление. Имена в этом справочнике приведены в той же форме, что и в переводе.

Главные герои

Альберт Сперанца — Альберто Мигель Карлос Сперанца, прозванный «Портиджи»

Главный герой, сын Джейн Оливии Сноу и испанского певца Мигеля Карлоса Сперанцы. После смерти отца приезжает из частной школы к деду и бабушке на Кейп-Код. Мечтает о поэзии и сцене, болезненно воспринимает провинциальный уклад и постепенно учится отвечать за свои решения.

Капитан Зелотес Сноу, обычно называемый капитаном Лоутом

Дед Альберта по материнской линии, бывший капитан шхуны и совладелец фирмы «З. Сноу и К°», торгующей лесоматериалами и строительными скобяными изделиями. Прямолинеен, работоспособен и упрям. Заботясь о внуке, должен преодолеть собственное предубеждение против его отца.

Оливия Сноу

Жена капитана Зелотеса и бабушка Альберта. Её привязанность к внуку помогает ему почувствовать себя дома. Она мягче мужа, но способна проявить твёрдость и стойкость.

Второстепенные персонажи

Элен Кендалл

Дочь местного священника. Искренняя и рассудительная девушка, которая становится другом Альберта. Она поддерживает его литературные стремления, не льстит ему и помогает взглянуть на себя со стороны.

Рейчел Эллис

Экономка в доме Сноу, энергичная и добросердечная женщина. Много лет связана с Лейбаном Килером и надеется, что он справится со своей слабостью к спиртному.

Лейбан Килер

Бухгалтер фирмы «З. Сноу и К°». Начитанный, остроумный и наблюдательный человек. Его отношения с Рейчел и борьба с пьянством составляют важную побочную линию романа.

Иссахар Прайс и жители Саут-Харнисса

Иссахар, или Исси, служит в фирме Сноу. Его ворчливость, подозрительность и разговорчивость нередко вызывают комические столкновения. Важную роль в истории Альберта играют также состоятельное семейство Фосдигов, их дочь Мадлен и её светское окружение.

География романа

Главное место действия — Саут-Харнисс, вымышленный городок на полуострове Кейп-Код в Массачусетсе. Его приморской жизни противопоставлены частная школа, где учился Альберт, и Нью-Йорк. Позднее действие связано с Первой мировой войной и возвращением героя домой.

1. Полуостров Кейп-Код, Массачусетс

Сердце повествования: Узкий песчаный полуостров, глубоко вдающийся в Атлантический океан. Во времена действия романа это особый мир, изолированный от материковой суеты, со своими вековыми традициями, суровым океанским климатом и уникальным укладом жизни.

Прибрежный пейзаж: песчаные дюны, сосновые рощи, продуваемые ветром пустоши, солончаковые луга и гавани. Море определяет занятия жителей, их память и привычные образы речи.

2. Вымышленный городок Саут-Харнисс

Саут-Харнисс принадлежит литературной географии Линкольна. Его не следует отождествлять с реальным Саут-Харвичем. Он передаёт черты небольших приморских поселений Кейп-Кода, но остаётся местом действия художественного произведения.

Ключевые локации городка:

Дом капитана Зелотеса Сноу: старый семейный дом, где Альберт получает комнату, прежде принадлежавшую его матери. Домашний уклад поддерживают Оливия и Рейчел Эллис.

Контора и склады фирмы «З. Сноу и К^о»: место торговли лесоматериалами и строительными скобяными изделиями. Здесь Альберт работает под руководством деда и Лейбана Килера, осваивает счета, переписку и повседневные обязанности служащего.

Гавань и причалы: Место встреч старых капитанов, рыбаков и торговцев, где обсуждаются новости, погода и штормовые предупреждения.

3. Контраст: Престижная школа-интернат и «Большой мир»

Частная школа: до переезда Альберт жил и учился в пансионе. В воспоминаниях юноши она становится утраченным домом, особенно привлекательным на фоне его первого одинокого вечера в Саут-Харниссе.

Контраст пространств: переезд в Саут-Харнисс сталкивает литературные и светские мечты Альберта с повседневным трудом. Позднейшая поездка в Нью-Йорк показывает, как изменилось его отношение и к городской жизни, и к Кейп-Коду.

Атмосфера романа

«Портиджи» сочетает юмор прибрежной Новой Англии с историей семейного разлада, взросления и тяжёлых испытаний. Уют дома Сноу особенно ощутим на фоне декабрьского холода в начале книги и военной разлуки в её второй половине.

Вот главные черты атмосферы этого произведения:

Прибрежная меланхолия и романтика моря. Действие разворачивается в типичной американской провинциальной рыбацкой деревушке. Океан здесь — не просто фон, а живой участник событий: он задает ритм жизни местных жителей, пахнет солью, водорослями и рыбой, штормит во время душевных бурь героев и успокаивает в минуты тишины.

Столкновение культур и поколений. Альберт Сперанца приезжает к деду после смерти отца. Прозвище «Портиджи» подчёркивает отчуждение и предрассудки, с которыми он сталкивается. Контраст между амбициозным юношей и практичными жителями побережья создаёт и комические, и болезненные ситуации.

Теплота провинциального быта. Линкольн мастерски выписывает детали быта Новой Англии: уютные старые дома с видами на гавань, скрипучие половицы, посиделки у камина, неторопливые разговоры в лавках и на причалах. Здесь чувствуется осязаемая вещественность мира, где каждая чашка чаю, каждый шторм за окном и каждая занавеска имеют значение.

Мягкий юмор и человечность. Как и во всех лучших романах Линкольна, мрачные или драматичные моменты всегда уравниваются доброй иронией. Местные жители — со своими чудачествами, гордостью, языками без костей и золотыми сердцами — вызывают улыбку и полное ощущение сопричастности. Это мир, где люди знают друг о друге всё, но всё равно готовы прийти на помощь.

Путь к зрелости и поиск себя. Атмосфера романа постепенно меняется от юношеского максимализма и растерянности к мудрому принятию жизни. Это история о том, как утихают ветры юношеских иллюзий и человек обретает подлинные корни, понимание труда, любви и ответственности.

Книга оставляет после себя долгое послевкусие морского бриза и тихой грусти, смешанной с надеждой.

Проработка характеров

Это ключевой элемент, благодаря которому роман ощущается настолько живым и объемным. Джозеф К. Линкольн здесь выступает тонким психологом, мастерски выстраивая психологический рисунок через столкновение жизненных философий, воспитания и темпераментов.

1. Эволюция главного героя: Альберт Сперанца

Центральный характер романа раскрывается через сложную внутреннюю трансформацию:

Начальный образ: Альберт появляется романтичным, самолюбивым и избалованным юношей. Он гордится своим отцом, испанским оперным певцом, и болезненно воспринимает сомнения окружающих в его будущем.

Внутренний конфликт: Его прозвище («Портиджи») — не просто ярлык, а символ отчужденности. Альберт искренне считает себя выше уклада жизни в провинциальном городке и мечется между утонченными литературными мечтами и суровой реальностью.

Становление: Линкольн показывает взросление характера не через мгновенное озарение, а через медленную, болезненную переоценку ценностей. Альберт постепенно учится видеть за внешней грубостью местных жителей их мудрость, преданность и достоинство, одновременно закаляя собственный характер.

2. Дед, капитан Зелотес Сноу: твёрдость и верность традициям

Дед Альберта — один из самых ярких и убедительных образов в творчестве Линкольна:

Внешняя суровость: капитан Зелотес — человек старой закалки, привыкший к дисциплине, прямоте и труду. Он нетерпим к лени, сентиментальности и городскому щегольству.

Глубокая привязанность: За внешней жесткостью и строгим контролем скрывается глубокая любовь к внуку и боль за судьбу своей семьи.

Динамика отношений: взаимодействие деда и внука построено на столкновении практического опыта и юношеского идеализма. Для сближения им обоим приходится пересматривать свои суждения.

3. Второстепенные персонажи как живой фон

Линкольн уделяет особое внимание даже эпизодическим героям, превращая их из простого фона в самостоятельные личности:

Домашнее окружение: Оливия Сноу и Рейчел Эллис помогают смягчить столкновения между дедом и внуком. Их участие проявляется в повседневной заботе, разговорах и способности сохранять самообладание в тяжёлые минуты.

Обитатели городка: Качественно проработаны типы местных жителей — от бывалых моряков и торговцев до деревенских сплетников. У каждого из них свой уникальный речевой портрет, свои манеры и взгляд на жизнь.

4. Приемы проработки характеров

Линкольн использует несколько выразительных методов для создания глубины персонажей:

Речевая индивидуализация: Язык каждого героя отражает его происхождение, профессию и социальный статус. Прямая, полная морских метафор речь капитана противопоставляется возвышенному, книжному языку Альберта.

Характер через поступки: Герои раскрываются не столько через авторские описания, сколько через свои решения в критических ситуациях, отношение к труду, ошибкам и взаимопомощи.

Психологический реализм без надрыва: Персонажи не идеализируются — у всех есть свои слабости, упрямство и предрассудки, что делает их живыми людьми, а не схематичными фигурами.

Язык романа

Это один из самых ярких элементов авторского стиля Джозефа К. Линкольна. Повествование строится на контрастах: классическая, выразительная проза автора переплетается с колоритной местной речью и живописными пейзажными описаниями.

1. Язык повествования и общего текста

Линкольн пишет теплым, традиционным для литературы Новой Англии языком:

Ирония и юмор: Авторский текст пронизан мягкой, доброй иронией. Линкольн с симпатией и легким удивлением описывает как юношеский драматизм Альберта, так и несокрушимое упрямство деревенских жителей.

Доступность и ясность: Повествование ведется без лишней претенциозности или тяжелой академичности. Это чистая, ритмичная классическая проза, создающая чувство уюта и неторопливого рассказа у камина.

2. Язык персонажей: Речевая индивидуализация

Именно через диалоги Линкольн вдохнул в книгу настоящую жизнь. Язык героев здесь — главный инструмент их раскрытия:

Речь жителей Кейп-Кода (Капитан Зелотес и горожане):

Морская лексика и метафоры: В бытовую речь жителей побережья буквально вплетена морская терминология. Они оценивают людей, погоду и поступки так, будто всё ещё стоят у штурвала (выражения в духе *«держать курс»*, *«штормовое предупреждение»*, *«дать слабину»*).

Диалект и фольклор: Использование характерного новоанглийского диалекта, сокращений, просторечных идиом и самобытных поговорок.

Лаконичность: речь капитана Сноу прямая и выразительная; за её грубоватой простотой часто скрываются ирония и наблюдательность.

Речь Альберта Сперанцы:

Книжность и эмоциональность: Альберт говорит на изысканном, литературизированном английском языке. В его речи много романтических эпитетов, эмоциональных восклицаний и поэтических оборотов, что подчеркивает его оторванность от местных реалий.

Динамика диалогов: Контраст между пышными фразами Альберта и сухими, емкими ответами его деда создает не только психологическое напряжение, но и прекрасный комический эффект.

3. Язык природы и описания окружения

Пейзажи в романе не просто служат декорацией — они передают внутреннее состояние героев и задают эмоциональный тон событий:

Осязаемость пейзажа: уже в первой сцене холод, солёная сырость, скрежет ветвей и вой телеграфных проводов передают одиночество юноши. Описания природы связаны с его восприятием происходящего.

Динамичность океана: Океан у Линкольна не статичен. В зависимости от сюжета он бывает ласковым и сверкающим, тоскливым и туманным, либо бушующим и суровым. Описание штормов и туманов выполнено с высокой степенью точности человека, отлично знающего побережье.

Атмосферный свет и цвет: Автор уделяет особое внимание смене времен года и времени суток — от золотистых осенних закатов над гаванью до холодных, стальных зимних пейзажей Новой Англии.

Морские идиомы

Ниже приведены пояснительные примеры морских метафор и их возможной передачи по-русски. Это тематический комментарий к языку побережья, а не перечень дословных цитат капитана Сноу.

1. Морская оценка людей и их характера

В уме капитана Сноу и его окружения любой человек — это либо надежное судно, либо неуправляемая посудина.

«Остов-то у него хороший, да древесина мягкая» — так говорят о человеке с хорошим внешним потенциалом, но слабовольным характером.

«Высоко держит голову, остро режет носом» — образ самоуверенного человека, в котором соединены человеческая осанка и очертания судна.

«Слишком много парусов для такого балласта» (Несет слишком много парусов для своего балласта) — об импульсивном, легкомысленном человеке, у которого эмоциональные порывы и мечты (паруса) явно перевешивают здравый смысл и житейский опыт (балласт).

«Судно со слишком тяжёлым верхом» (Судно с перегруженной верхней палубой) — о чересчур снобистском или упрямом человеке, готовом опрокинуться от любого жизненного «шквала».

2. Принятие решений, поведение и труд

Капитан Сноу мыслит исключительно категориями навигации и управления кораблем:

«Держать курс!» — главная жизненная заповедь капитана, означающая необходимость строго следовать выбранному плану и не отвлекаться на пустые сомнения.

«Поставь паруса по ветру» — приспособься к обстоятельствам, действуй разумно, а не упрямо.

«Приведись к ветру!» — поверни судно носом ближе к направлению ветра; в переносном употреблении смысл зависит от ситуации и не сводится к призыву встряхнуться.

«Дай ему побольше морского простора» (Дать ему побольше морского пространства / Оставить ему широкий ход) — не давить на человека, дать ему место и время, чтобы он сам осознал свои ошибки и «выправил курс».

«Стой у штурвала!» — сохраняй управление; в переносном смысле неси ответственность за своё дело и близких.

3. Оценка ситуаций, проблем и опасностей

Обычные бытовые конфликты и жизненные невзгоды описываются как навигационные риски:

«Несёт на подветренный берег» — судно сносит к берегу, лежащему по направлению ветра; образ опасности, с которой трудно справиться.

«Впереди ненастье» (Впереди ненастье / скверная погода) — предчувствие крупной ссоры, жизненного кризиса или беды.

«Расчистка завалов» (Расчистка сухостоя / завалов) — наведение порядка в делах, избавление от ненужных иллюзий или долгов.

«Буря в чайнике» — морской аналог «бури в стакане воды», ироничная оценка капитанским разумом юношеских страстей Альберта.

4. Характерные междометия и разговорные формулы

«Господи всемогущий!» — эмоциональное восклицание, которым можно передать разговорное обращение к Богу.

«Полагаю», «сдаётся мне», «надо думать» — возможные русские соответствия характерной новоанглийской разговорной формулы, буквально связанной с расчётом или предположением.

Особенность перевода этих идиом на русский язык

Для сохранения духа текста эти выражения обычно переводятся не дословно, а адаптивно — так, чтобы сохранить морскую метафорику в естественном звучании русской речи (например, вместо сухого «он несдержан» использовать «он несет паруса без балласта», а вместо «не вмешивайся» — «дай ему морского простора»).

Фразеологизмы капитана Сноу

Морская метафорика помогает понять образ капитана Сноу: опыт управления судном влияет на его представления о людях и ответственности. Следующие примеры развивают тему предыдущего раздела; они служат пояснением образного языка и не должны восприниматься как документальные цитаты из романа.

При переводе на русский язык и работе с его речью важно передать эту особую сухопутно-морскую логику: его фразы звучат коротко, емко, сочно и без малейшей сентиментальности.

1. Оценка людей и характера

Капитан Сноу судит о людях как капитаны судят о судах в порту:

«Слишком много парусов для такого балласта» — образ несоответствия между порывами человека и его выдержкой, опытом или возможностями.

«Высоко держит голову, остро режет носом» — образ гордого, самоуверенного человека.

«Остов крепкий, да древесина мягкая» — внешняя стать ещё не означает твёрдости характера. Образ мягкой древесины передаёт недостаток внутренней прочности.

«Слишком тяжёлый верх» — судно с чрезмерным весом наверху неустойчиво; в переносном смысле это образ нарушенного равновесия и недостаточной опоры.

«Он не моряк для бурного моря» — «Этот не для бурной воды» / «В шторм с таким не выйдешь». О слабодушных людях, на которых нельзя положиться в беде.

2. Принятие решений, поведение и дисциплина

Жизненные принципы Зелотеса Сноу — это строгий устав корабельной службы, перенесенный на сушу:

«Держать курс!». Главная жизненная заповедь капитана: не шарахаться, не поддаваться сомнениям и гнуть свою линию.

«Стой у штурвала!» — неси ответственность за семью, дом и дело, не бросай управление даже в самый сильный жизненный шторм.

«Приведись к ветру!» — морская команда об изменении курса относительно ветра. Переносный смысл определяется контекстом, а не буквальным призывом встряхнуться.

«Дай ему морского простора» — «Дать ему морского простора» / «Оставить широкий ход». Дать человеку свободу и время, чтобы он сам осознал свои глупости и «выправил курс» без лишнего давления.

«Подстрой паруса» — «Поставь паруса по ветру» / «Приведи паруса к ветру». Перестань упрямяться во вред себе, адаптируйся к реальным обстоятельствам.

3. Реакция на проблемы и жизненные кризисы

Ссоры, убытки и житейские невзгоды капитан оценивает как навигационные риски:

«Несёт на подветренный берег» — «Дрейфовать на прижимной берег». Находиться в смертельной опасности или загнать себя в тупик, когда обстоятельства прижимают к скалам.

«Впереди ненастье» / «Затягивает тучами». Предчувствие крупного скандала, семейного кризиса или беды.

«Расчистка завалов» / «Выбросить плавник за борт». Избавление от пустых иллюзий, долгов или ненужных вещей, наведение строгого порядка.

«Буря в чайнике» — «Шторм в чайнике» (морской аналог бури в стакане воды). Ироничная капитанская оценка юношеских драматических переживаний.

4. Вводные слова, междометия и маркеры речи

«Полагаю...», «Сдаётся мне...» — характерная манера неторопливо высказывать своё мнение.

«Господи всемогущий!» — восклицание удивления, досады или возмущения.

«Прекрати эти разговоры!» или «Завязывай!» — перенос морской команды остановить действие в бытовую речь.

«Разговоры для хорошей погоды» — «Разговоры для попутного ветра». Пустые, ни к чему не обязывающие обещания или красивые слова, не проверенные делом.

Детали быта в романе

Предметный мир романа помогает увидеть повседневную жизнь Новой Англии начала двадцатого века. При этом необходимо различать детали, прямо названные автором, и общий историко-бытовой фон, который расширяет представление об эпохе.

1. Дом капитана Зелотеса Сноу: Крепость и уют

Дом капитана — полноценный герой романа. В нем нет городской роскоши, но каждая деталь говорит о надежности, порядке и морском прошлом хозяина:

Архитектура и интерьер: старый деревянный дом, сохранивший семейную память. В романе важны гостиная, столовая и спальня, где прежде жила мать Альберта. Приведённые иллюстрации условны и не являются точным архитектурным планом этого дома.

Морские предметы: барометры, модели судов, раковины и привезённые из плаваний сувениры характерны для приморского быта. Их изображение в дополнительных иллюстрациях передаёт исторический фон, а не документальную опись дома Сноу.

Очаг и тепло: печь, лампа и домашний ужин противопоставлены холоду за окнами. Выброшенная морем древесина относится к бытовому фону побережья; её не следует смешивать с затонувшим топляком.

2. Гастрономический колорит: Кухня Новой Англии

Кулинарный фон: рыба, моллюски, фасоль и домашняя выпечка характерны для кухни Новой Англии. Рецепты в бонусной части предложены как дополнение об эпохе, а не как дословное воспроизведение авторских рецептов.

Морская кухня: Знаменитый чаудер (густой, сытный суп из моллюсков с картофелем, сливками и солониной), жареная треска, запеченная фасоль по-бостонски, которую традиционно готовят в глиняных горшочках по субботам.

Домашняя выпечка: Запах свежесдобитого хлеба, яблочных и клюквенных пирогов, горячих бисквитов с маслом, которые подают к чаю и кофе.

Простота и сытность: Еда не претендует на изыски, но она честная, обильная и дает силы для тяжелого физического труда.

3. Торговая лавка и общественные пространства

Для повседневной жизни романа особенно важна торговая фирма капитана Сноу:

Место общения: в конторе и на складе сталкиваются интересы хозяев, служащих и покупателей. Разговоры о делах быстро переходят к соседям, политике и личным отношениям.

Печь и деловая обстановка: конторская печь, книги счетов, накладные и товарные запасы образуют рабочую среду, которую Альберт поначалу воспринимает как заточение.

4. Одежда и повседневные ритуалы

Через одежду и бытовые привычки Линкольн наглядно показывает конфликт между городским франтовством и деревенской практичностью:

Одежда: Модные городские костюмы, узкие туфли и галстуки Альберта контрастируют с тяжелыми фланелевыми рубашками, вязаными свитерами, непромокаемыми штормовками и прочными грубыми сапогами жителей побережья.

Субботний и воскресный уклад: Строгий порядок недели, где суббота — день уборки, подготовки дров и запекания фасоли, а воскресенье — день накрахмаленных воротничков, строгой церкви и чинного семейного обеда.

5. Сезонность быта

Быт в романе тесно связан с изменением природы:

Осень и зима: Заготовка дров, утепление окон мохом и шпаклевкой, осмотр крыш перед штормами, сушка непромокаемой одежды у печи.

Весна и лето: Смоление лодок, починка сетей, проветривание дома от зимней сырости, работа в небольших придомовых огородах.

Эти мелкие, осязаемые детали делают мир романа невероятно убедительным и погружают читателя в атмосферу эпохи, где вещи делались на века, а жизнь текла в гармонии с морем и сезонами.

Описание кулинарных сцен

Разговор о кулинарных сценах помогает различить два слоя книги: еду, непосредственно названную Линкольном, и традиционную кухню Кейп-Кода как исторический фон. Не каждое блюдо из дополнительного раздела присутствует в романе.

Еда в доме капитана Зелотеса Сноу — честная, простая, сытная и доведенная до совершенства поколениями женщин Новой Англии.

1. Кулинарные символы дома и традиции

Кухня Кейп-Кода у Линкольна описана так вкусно и осязаемо, что читатель буквально ощущает ароматы, доносящиеся из чугунной плиты:

Клэм-чаудер — густой суп из моллюсков, картофеля, молока или сливок, часто с солёной свининой. Это одно из известных блюд Новой Англии; предложенный ниже рецепт представляет региональную традицию.

Запеченная фасоль по-бостонски: Священный ритуал субботнего вечера. Фасоль долго — целую ночь — томится в глиняном горшке в чугунной печи с патокой (мелассой), горчицей и жирной свининой, приобретая глубокий карамельно-коричневый цвет и пряный аромат.

Традиционный воскресный обед: Сытный жареный кусок солонины или вареная треска с отварным картофелем, подливой и свежей зеленью, завершающийся огромным теплым яблочным или клюквенным пирогом с рассыпчатой корочкой.

2. Контраст и эволюция восприятия Альберта

Через кулинарные сцены Линкольн мастерски раскрывает внутреннее состояние главного героя:

Первое знакомство: обильный домашний ужин согревает уставшего Альберта, но не снимает его неловкости перед дедом. Чувство отчуждения связано не с отказом от еды, а с непривычным окружением и вниманием к каждой его манере.

Труд и повседневность: работа в фирме деда постепенно знакомит Альберта с иной системой ценностей. Домашние трапезы входят в этот новый распорядок, связывающий работу, отдых и семейное общение.

Принятие семейного очага: Совместные трапезы за большим столом становятся символом примирения и сближения деда и внука. За едой утихают споры, а капитан Сноу, орудуя ножом и вилок, ведет свои лучшие неторопливые беседы.

3. Детали кулинарного быта и атмосфера кухни

Линкольн уделяет огромное внимание обстановке, в которой готовится и подается еда:

Сердце дома — Кухня: Это самое теплое место в доме. Здесь всегда гудит и пышет жаром большая чугунная кухонная плита, полированная до блеска, на которой непрерывно пыхтит пузатый медный или эмалированный кофейник.

Ароматы и звуки: Запах свежемолотого кофе, выпекаемых на сковороде горячих кукурузных лепешек, шкворчание грудинки и аромат корицы с яблоками.

Подача и посуда: простая добротная посуда, скатерти и солонка дополняют представление о домашней трапезе.

Эти сцены дают читателю редкое чувство уюта, сытости и защищенности от бушующих за окном океанских ветров.

Устройство дома

Дом капитана Зелотеса Сноу хранит семейную память. Ниже рассматриваются и детали романа, и более широкий образ традиционного дома Кейп-Кода; условную иллюстрацию не следует считать точным планом жилища героев.

1. Архитектура и внешний облик

Типичный стиль Кейп-Код: Это одноэтажный (или полуторазтажный) деревянный дом с крутой двускатной крышей, рассчитанной на то, чтобы на ней не задерживался снег и штормовой дождь.

Обшивка и фасад: Снаружи дом обшит дранкой из серого кедра, со временем выгоревшей под солеными ветрами до благородного серебристо-стального оттенка.

Устойчивость: невысокие деревянные дома с крутой крышей приспособлены к ветреному климату побережья.

2. Планировка и внутренние пространства

Внутреннее устройство подчинено строгой иерархии: от теплого, повседневного центра дома до чинных парадных комнат.

Центральный очаг и кухня (Сердце дома):

Кухня в доме капитана — самое главное, теплое и «живое» помещение. Именно здесь сосредоточен весь быт.

Главный элемент кухни — чугунная плита, которую топили твёрдым топливом. Она служила для приготовления пищи и обогревала кухню; это не означает, что все комнаты дома были тёплыми.

Здесь же стоят большой обеденный стол, за которым собирается семья, и деревянные скамьи или удобные кресла-качалки у тепла.

Парадная гостиная:

Пожилое поколение Новой Англии относилось к этой комнате с почти религиозным трепетом.

Она закрыта в обычные дни и отапливается только по особым случаям (приход священника, важные праздники, сватанье или поминки).

В ней царит легкая музейная прохлада: накрахмаленные занавески, строгая мебель из темного дерева, семейные портреты в тяжелых рамах и самые ценные сувениры, привезенные капитаном из дальних плаваний.

Спальни и мансарда:

Небольшие спальни с низкими балочными потолками.

Комната Альберта: бабушка показывает ему спальню, прежде принадлежавшую его матери. В первый вечер в ней очень холодно; это усиливает его тоску и чувство одиночества, но знание о прошлом комнаты впервые связывает новое место с памятью о матери.

3. Декор и «морской след» в интерьере

В доме Сноу сухопутная жизнь переплетена с морской биографией его хозяина:

Корабельная атрибутика: В комнатах можно найти настоящий судовой барометр, по которому капитан ежедневно определяет погоду, модели парусников, вставленные в бутылки или под стеклянные колпаки, и корабельный хронометр.

Морские сувениры: гравированные и резные изделия из китового зуба или кости, раковины и другие привезённые из плаваний предметы характерны для культуры приморских поселений.

Отопление и свет: Керосиновые лампы с полированными до блеска стеклянными колбами, создающие мягкий, янтарный свет по вечерам, и камин, в котором горят вынесенные штормом на берег деревянные обломки, окрашивающие пламя в зеленый и синий цвета.

4. Контраст восприятия: Альберт и дом

Для Альберта, приехавшего из частной школы, дом деда поначалу чужой и непривычный. Постепенно он становится местом родственных связей, памяти и возвращения к мирной жизни.

Детали быта

Детали быта в «Портиджи» — это не просто фоновые декорации, а полноценный инструмент, с помощью которого Джозеф К. Линкольн передает дух эпохи, социальные различия и глубокие изменения в душе главного героя.

Чтобы увидеть всю полноту бытовой картины романа, стоит рассмотреть несколько важнейших сфер повседневной жизни Новой Англии начала двадцатого века.

1. Фирма «З. Сноу и К°»: работа и общение

Предприятие капитана торгует лесоматериалами и строительными скобяными изделиями. Это не универсальная продуктовая лавка:

Товарная среда: штабеля древесины, строительные принадлежности, складские запасы и конторские бумаги задают практический мир, в котором приходится осваиваться Альберту.

Повседневное общение: служащие и покупатели обмениваются новостями, спорят и оценивают происходящее. Конторская печь становится частью этого рабочего быта.

Ассортимент предприятия: лесоматериалы и строительные скобяные изделия. Покупатели, заказы, подсчёты и движение складских запасов образуют деловой ритм, столь непохожий на школьную жизнь Альберта.

2. Одежда: Социальный маркер и предмет конфликта

Через детали гардероба Линкольн наглядно показывает пропасть между «городским франтом» и «морскими волками»:

Городской лоск Альберта: в начале романа заметны его хорошо сидящий костюм, дорогой галстук и золотая часовая цепочка. Дед оценивает и одежду внука, и его манеры.

Практичный гардероб побережья: Местные жители и капитан Сноу носят вещи, созданные для защиты от ветра и соленой воды — тяжелые фланелевые и байковые рубашки, прочные шерстяные свитера крупной вязки, замасленные непромокаемые плащи-штормовки, широкие брюки из грубой ткани и массивные кожаные или резиновые сапоги.

Трансформация: По мере того как Альберт включается в работу, его щегольской гардероб уступает место более простой, удобной и рабочей одежде, что символизирует его внутреннее взросление.

3. Хозяйственный уклад и домашние ритуалы

Жизнь в доме капитана Сноу подчинена строгому, раз и навсегда заведенному порядку:

Утренний подъём: День начинается на рассвете, когда в кухне растапливается плита, а по дому начинает распространяться запах жареной солонины и бодрящего кофе.

Забота о тепле: печное отопление требовало запаса топлива и постоянного внимания. Вынесенные морем обломки древесины могли использоваться в прибрежном быту, но не являлись единственным источником дров.

Воскресенье как священный день: В воскресенье всякая физическая работа останавливается. Домашние надевают лучшую «церковную» одежду, дом наполняется строгой тишиной, а после посещения службы вся семья собирается за чинным, неторопливым обедом.

4. Повседневный гигиенический быт и утварь

Свет и вода: В доме нет современного городского комфорта — используются керосиновые лампы, стеклянные колбы которых каждое утро до блеска протирают газетной бумагой. Вода подается с помощью ручного колодезного насоса на кухне.

Текстиль и уют: Самодельные лоскутные одеяла, согревающие в холодные ночи на мансарде, плетеные из тряпичных полос круглые коврики на выскребленных деревянных полах, накрахмаленные кружевные салфетки на столах.

Эти многочисленные материальные детали создают осязаемый, глубокий и искренний мир романа, в который читатель погружается с первых страниц.

Глава 1

Небо было закутано в облачный плащ — изрядно изорванный: то здесь, то там сквозь прореху проглядывала звезда, но почти тотчас её заслоняли новые лохмотья облаков, которые ветер швырял поперёк разрыва. На вершинах холмов неистово хлестали ветвями сосны. Голые сучья дикой вишни и серебристых тополей скреблись друг о друга, гремели и раскачивались. А ветер — промозглый, ледяной декабрьский ветер, налетавший с моря, влажный и солёный, — рвался через дюны и бурые возвышенности, мчался над замёрзшими приморскими лугами, визжал в телеграфных проводах и превращал платформу унылой железнодорожной станции Саут-Харнисс в самое одинокое, холодное, тёмное и безотрадное место на земле.

По крайней мере, так казалось семнадцатилетнему юноше, которого поезд из города — на этот раз, на удивление, пришедший вовремя — только что высадил на этой платформе. Он не согласился бы смягчить такое определение ни на йоту. Станционная платформа Саут-Харнисса действительно была самым безотрадным местом на земле, а он — самым несчастным человеком на ней. И последнее, вероятно, соответствовало истине: кроме него, на платформе находились всего трое, и все они, судя по внешнему виду, были вполне довольны жизнью. Начальник станции как раз входил в здание, собираясь запереть его на ночь; двое остальных — Джим Янг, кучер станционного экипажа, и доктор Холлидей, местный гомеопат, — стояли неподалёку. Доктор возил пациента в бостонскую больницу и теперь возвращался домой. Джим насвистывал «Серебряные колокольчики», песенку, чрезвычайно популярную минувшим летом, а доктор Холлидей попыхивал сигарой и, дожидаясь посадки в экипаж, постукивал ногой о ногу, чтобы согреться. Больше никого не было видно, и на одинокую фигуру у другого конца платформы никто не обращал ни малейшего внимания.

Юноша огляделся. Станция, за грязным оконным стеклом которой болезненно желтела керосиновая лампа, казалась единственным обитаемым местом посреди голой пустыни. У края платформы цивилизация, по-видимому, кончалась; дальше оставались лишь чёрная земля и чёрное небо, мечущиеся деревья, воющий ветер и холод — сырой, промозглый, пронизывающий насквозь. По сравнению с этим даже душные плюшевые сиденья и пропахшее всевозможными запахами тепло вагона, из которого он только что вышел, представлялись соблазнительно домашними и роскошными. Всю дорогу из города он мысленно презирал захудалую железную дорогу, которая зимой не пускала пульмановских вагонов по своей ветке на Кейп-Код. Теперь он забыл о своей тоске по отделке красного дерева и отдельным креслам и охотно забрался бы даже в товарный вагон, лишь бы там нашлись лампа и печка.

Свет на станции погас. Начальник вышел, позвякивая связкой ключей, и запер дверь.

— Спокойной ночи, Джим! — крикнул он и скрылся во мраке.

Джим пожелал ему того же и взобрался на козлы экипажа, в тёмной глубине которого уже устроился доктор. Юноша на другом конце платформы начал тревожиться всерьёз. Казалось, всё живое покидает его, обрекая остаться здесь в полном одиночестве и умереть от голода или холода — если прежде его не унесёт ветром.

Он подхватил чемодан — дорогой, с множеством ремней и пряжек, раздвижной крышкой и позолоченной фурнитурой — и поспешил к экипажу. Мистер Янг уже взял вожжи.

— Эй... эй, послушайте! — неуверенно окликнул юноша.

Мы всё это время называем его юношей, однако сам он мальчиком себя не считал. Он почитал себя мужчиной — пусть ещё не вполне созревшим телесно, зато несомненно зрелым умственно. Мужчиной, обладающим всей мужской мудростью и даже кое-чем сверх того: великой, всеобъемлющей мудростью своего возраста — или своей юности.

— Послушайте! Одну минуту! — повторил он.

Из-за края полога показалась голова Джима Янга.

— А? — отозвался тот. — А? Кто это там? А, это ты, молодой человек? Тебе меня надо? Молодой человек ответил утвердительно.

— Это ведь Саут-Харнисс? — спросил он.

Мистер Янг усмехнулся.

— Ещё бы, — протянул он. — Согласен, с виду ужасно похож на Бостон, или на Провиденс в Род-Айленде, или ещё на какую столицу, только это не они. Это Саут-Харнисс, Кейп-Код.

Доктор Холлидей на заднем сиденье экипажа тихонько рассмеялся. Джим не засмеялся: собственные шутки никогда его не смешили. Не засмеялся и тот, кто задал вопрос.

— Здесь живёт... живёт некий мистер Сноу? — спросил он.

Ответ последовал незамедлительно, хотя и оказался довольно неопределённым.

— Угу, — сказал кучер. — Их тут никак не меньше четырнадцати живёт. Тебе который?

— Мистер З. Сноу.

— Мистер З. Сноу, значит? Гм! Что-то не припомню я теперь никакого мистера З. Сноу. Зиба Сноу был, да помер. Ты ведь не его ищешь?

— Нет. Тот, кто мне нужен, — капитан Сноу. Капитан...

Он помедлил, прежде чем произнести имя, которое его взыскательному столичному слуху казалось до ужаса провинциальным и унижительным.

— Капитан Зелотес Сноу, — отчаянно выпалил он.

Джим Янг громко расхохотался.

— Вот те на, док! — воскликнул он, оборачиваясь к пассажиру. — Ей-богу, я и забыл совсем, что у капитана Лоута имя на «З» начинается. Капитан Лоут Сноу? Ещё бы! Я... А?

Он вдруг осёкся, словно ему пришла в голову новая мысль.

— Ишь ты! — медленно протянул он. — Да ведь, сдаётся мне, ты... Ну конечно! Слышал я, что тебя ждут. Док, ты понимаешь, кто это? Внук капитана Лоута. Сын Джейни.

Он достал из-под сиденья зажжённый фонарь и поднял его так, чтобы свет упал на лицо юноши, стоявшего возле колеса.

— Гм, — задумчиво произнёс он. — На Джейни вроде не очень похож, а, док? Хотя рот и подбородок как будто её. Помнишь, какой у неё был красивый очерк губ? А ей-то он от самого старого капитана Лоута достался. Лицом этот парень, должно быть, больше в отца пошёл. Как думаешь, док?

Думал ли доктор Холлидей так же, он не сообщил. Возможно, ему показалось, что столь бесцеремонно разглядывать незнакомого человека и обсуждать его внешность — пусть даже речь шла о совсем молодом человеке — значит ставить того в неловкое положение. А может быть, при свете фонаря он заметил недобрую складку между чёрными бровями юноши и вспышку гнева в его больших чёрных глазах. Во всяком случае, вместо ответа мистеру Янгу он доброжелательно сказал:

— Да, капитан Сноу живёт в посёлке. Если вам к нему, садитесь к нам. Я и сам живу поблизости.

— Ещё бы! — с воодушевлением подхватил мистер Янг. — Залезай, сынок.

Но юноша колебался. Затем, высокомерно не замечая кучера, произнёс:

— Я думал, капитан Сноу встретит меня здесь. Он писал, что встретит.

Неугомонный Джим вовсе не собирался мириться с тем, что его не замечают.

— Капитан Лоут написал тебе, что приедет на станцию? — спросил он. — Ну, значит, приедет, не беспокойся. Небось эта его несносная кобыла опять объелась и захворала. А, док? Разрази меня гром, как они балуют и закармливают эту дурную лошадь — просто грех и стыд! Тут не столько Лоут виноват, сколько жена его: всё она. Не беспокойся, малыш, капитан нынче вечером за тобой явится. Если сказал, что приедет, значит, приедет, хоть ему для этого один

из этих лимузинов нанимать придётся. Хе-хе-хе! Тебе только и надо, что подождать, и... Эй!.. Пстой-ка!.. Малыш!

Юноша уже уходил. А окликнуть его словом «малыш» было — хотя Джим Янг об этом не подозревал — самым верным способом добиться, чтобы он не вернулся.

— Малыш! — снова крикнул Джим.

Не получив ответа, он всё же договорил то, что собирался:

— Если встречу капитана Лоута где-нибудь по дороге, скажу, что ты здесь дожидаясь. Ну, бывай, малыш. Но, Шаровая Молния!

Лошадь, удостоенная такого лестного имени, шевельнула одним ухом, подняла ногу и неторопливо затрусила прочь. Станционный экипаж превратился в смутное пятно на фоне ночной тьмы. Ещё несколько минут стук копыт по мёрзлой дороге и дребезжание колёс позволяли судить о его продвижении. Потом стихли и эти звуки, и на продуваемую всеми ветрами платформу станции Саут-Харнисс опустился такой непроглядный мрак полного одиночества, что всё предшествующее по сравнению с ним могло показаться почти весёлым.

Юноша поднял воротник пальто, сунул руки в перчатках в карманы и поёжился. Потом, всё ещё дрожа, принялся быстрым шагом ходить взад и вперёд возле чемодана и наконец обошёл маленькое здание станции кругом. Исследовательское плавание оказалось бесплодным: открывать было нечего. Насколько он мог разглядеть — а разглядеть удавалось совсем немного, — со всех сторон тянулись лишь голые поля, метались сосны и царили ветер, холод и темнота. Он снова бросил якорь возле чемодана и глубоко, безнадежно вздохнул.

Вспомнилась уютная школьная столовая, которую он покинул только вчера. Сейчас ужин, должно быть, уже подходил к концу. Ребята доедали десерт или, вероятнее, выходили в коридоры: младшие направлялись в зал для приготовления уроков, старшие — величественные выпускники, к которым ещё недавно принадлежал и он, — расходились по своим комнатам. Перед мысленным взором возникла его собственная весёлая, уютная комната в коридоре старших классов; такая, какой она была до телеграммы, до приезда адвоката с письмом, до того, как кончилось всё привычное и началось — вот это. Не всегда он любил школу и тосковал по ней так, как любил и тосковал сейчас. Бывало, называл её «старой тюрьмой» и уверял, что терпеть её не может. Но с восьми лет это был единственный настоящий дом, который он знал, и теперь он оглядывался на него, как падший ангел мог бы оглядываться на рай. Он снова вздохнул, судорожно сглотнул и торопливо провёл рукой в перчатке по глазам. В семнадцать лет плакать совсем не по-мужски, но в этом возрасте мужчина и мальчик ещё тесно уживаются в одном человеке. Он опять сглотнул, затем расправил плечи и полез в карман пальто за серебряным портсигаром — недавним приобретением, составлявшим его сердечную гордость. Он только-только сумел прикурить сигарету, когда ветер снова донёс до него стук копыт и колёс, а вдали показалась светлая точка, приближавшаяся к станции.

Звуки становились отчётливее, огонёк — ближе. Наконец у платформы остановилась старомодная коляска, запряжённая маленькой упитанной рыжей кобылой, и чья-то рука подняла фонарь.

— Эй! — окликнул голос. — Ты где?

Повторять не понадобилось. Ещё до того, как экипаж подъехал к станции, юноша выбросил сигарету, подхватил чемодан и приготовился. Теперь он шагнул в круг света.

— Вот я, — ответил он, изо всех сил стараясь скрыть свою радость. — Вы меня ищете?

Человек с фонарём заправил вожжи между гнездом для кнута и передним щитком коляски и выбрался наружу. Это был маленький мужчина лет сорока восьми или пятидесяти, с гладко выбритым лицом и морщинками возле рта и глаз. Самое необычное в нём было — голос: высокий, писклявый, скорее женский, чем мужской. Впрочем, слова и манеры оставались вполне мужскими, а говорил и двигался он нервно, порывисто и быстро.

На вопрос он ответил без промедления:

— Пожалуй, тебя, пожалуй, тебя, — бойко произнёс он. — Во всяком случае, ищу мальчишку по имени... по имени... Господи небесный, опять забыл, вот ведь беда! Как, ты говоришь, тебя зовут?

— Сперанца. Альберт Сперанца.

— Конечно, конечно! Спер... э... гм... да, да. Знал не хуже собственного имени. Ну-ну! Да-а, да, да. Садись, Альфред. Давай-ка твою сумку.

Он подхватил чемодан. Юноша поставил ногу на подножку, но всё ещё медлил.

— Значит, вы... вы не мой дедушка? — неуверенно спросил он.

— А? Кто? Твой дедушка? Я? Хе-хе-хе!

Он тоненько захихикал.

— Нет, нет! Куда уж мне такое счастье. Будь я капитаном Лоутом Сноу, был бы постарше, чем сейчас, и чертовски богаче. Да, да. Нет, я у капитана Лоута бухгалтер, на лесном складе. Он простудился, а Оливия — это его жена — сказала, что сегодня вечером ему из дому выходить нельзя. Он сказал, что выйдет, и, пока они вот так друг другу твердили — она своё, он своё, — Рейчел, миссис Эллис, она у них экономкой служит, позвонила мне: запрягай, говорит, и поезжай встречать тебя сюда, на станцию. Э... э... Я маленько припозднился, верно?

— Да, пожалуй, немного. Другой человек, который правит почтовой повозкой... кажется, это была почтовая повозка... сказал, что, может быть, лошадь заболела или что-то в этом роде.

— Не-ет, нет, на этот раз не в том дело. Я... э... Ты хорошо укутался? Не холодно? Да-а, да, да. Нет, тут, пожалуй, я виноват. Заглянул на минутку в... в лавку, встретил кое-кого из приятелей, ну и задержался. Теперь всё ладно? Да-а, да, да. Пошла, милая!

Коляска отъехала от платформы. Пассажир, плотно укутавший озябшие ноги дорожными полостями, с облегчением перевёл дух, хотя зубы у него всё ещё стучали. Наконец-то он куда-то ехал; что бы теперь ни случилось, утро не застанет его окоченевшим возле исцарапанной, облезлой обшивки станции Саут-Харнисс.

— Тепло тебе? — бодро осведомился возница.

— Да, спасибо.

— Вот и хорошо, вот и хорошо, вот и хорошо. Да-а, да, да. Ну... э... Фредерик, как думаешь, понравится тебе в Саут-Харниссе?

Ответ получился довольно уклончивым. Юноша сказал, что пока ещё почти ничего здесь не видел. Спутника эти слова, по-видимому, чрезвычайно развеселили. Он захихикал и хлопнул себя по колену.

— Почти ничего не видел, а? Не-ет, нет, нет. Уж это верно, верно. Хе-хе-хе... Гм... Постой-ка, о чём это я говорил?

— Кажется, ни о чём особенном, мистер... мистер...

— Разве я не сказал, как меня зовут? Вот те на, вот те на! Забавно. Килер меня зовут. Лейбан Б. Килер. Имя моё таково, а занятие — счетоводство. Саут-Харнисс — место моего земного пребывания... Ну, а насчёт остального тебе, пожалуй, придётся у пастора спросить. Хе-хе-хе!

Его пассажир, совершенно не знакомый со старинным четверостишием из школьных учебников, недоумевал: что за вздор несёт этот человек? Однако он вежливо улыбнулся и принюхался, почувствовав смутное подозрение. Ему показалось, что в воздухе стоит какой-то особенный запах, спиртной запах, запах...

— Возьми мятный леденец, — с внезапным воодушевлением предложил мистер Килер. — Говорят, мята от всех хворей помогает. Да-а, да, да. Бери один. Бери два, бери побольше.

Сам он тут же последовал последнему совету, и воздух в коляске, так сказать, немедленно приобрёл новый аромат. Юноша, чьи подозрения отнюдь не рассеялись, откинулся в угол за пологом и стал ждать дальнейших событий. Он согрелся, и это принесло настоящее телесное, а вслед за ним и некоторое душевное облегчение, но одиночество по-прежнему ощущалось

мучительно остро. Пока знакомство с жителями Саут-Харнисса особого восторга у него не вызывало. В прежней своей жизни, закончившейся совсем недавно, он назвал бы их деревенщиной. Неужели дедушка и бабушка, которых он никогда не видел, тоже такие? Вполне вероятно. Что это за место, куда забросила его судьба? Чувство полной беспомощности, державшее его в своих тисках с того дня, когда пришла весть об отцовской смерти, оставалось столь же мучительно явственным. С ним вообще никто не посоветовался. Никто не спросил, что он хочет делать и куда хочет ехать. От этих людей — деда и бабушки с Кейп-Кода, о существовании которых он до той поры даже не слышал, — пришло письмо, и его отправили к ним, словно какую-нибудь посылку. А что будет теперь, когда он доберётся до места? Чего они от него потребуют? Кем он должен будет стать? Как с ним будут обращаться?

За годы обширного чтения — а читал он всё подряд и ненасытно — ему встретилось немало юношей, которых, как и его, отдавали на попечение дальним родственникам, отчимам, мачехам или совершенно чужим людям. Как правило, жизнь их складывалась невесело. Большинство убегали. Он тоже мог бы убежать; однако мысль о побеге без денег, навстречу лишениям, бедности и всему прочему, почему-то не казалась особенно заманчивой. Сколько он себя помнил, его окружали удобства и роскошь, а воображение, необычайно живое, рисовало испытания и тяготы беглеца гораздо ярче, чем это представлялось бы большинству людей. Дэвид Копперфилд, вспомнил он, убежал, но тот был ещё ребёнком, а не взрослым мужчиной, как он. Николас Никльби... Нет, Николас, собственно, не убежал, но у него умер отец, и он оказался на попечении дяди. Ужасно, если дедушка окажется похож на Ральфа Никльби. И всё-таки Николас прекрасно обошёлся без помощи своего злодея-родственника. А как великолепно он бросил вызов старому негодяю! Интересно, придётся ли и ему когда-нибудь бросить вызов деду? Он представил себе, как это происходит: спокойно, неизменно сохраняя достоинство безупречного джентльмена, но с благородной решимостью человека, исполняющего неприятный долг. Подбородок его приподнялся, плечи расправились и упёрлись в спинку сиденья.

Мистер Килер, по-видимому совершенно забывший о пассажире, запел:

«Ах, моя ты дорогая,

Носишь туфельки на “два”,

Твой папаша бреет лица

В Каламазу, у чёрта на куличках».

Он дважды пропел куплет, а затем присоединил к нему припев, явно сочинённый на ходу и состоявший из всевозможных «ди-ду» и «ди-дам». Коляска тем временем взобралась на небольшой холм, перевалила через вершину и, подставив себя воющему морскому ветру, покатила по длинному пологому спуску туда, где вдоль двухмильной прибрежной полосы редко мерцали огни Саут-Харнисса.

«Ди-ду-дам, ди-дам, ду-дам,

Ди-ду-дам, ду-дам-ди».

Так пел мистер Килер. Потом он оборвал своё соло: кобылка свернула между двумя высокими деревянными столбами, обрамлявшими въезд, протрусила по дорожке футов пятьдесят и остановилась возле каменной ступени перед белой входной дверью. Сквозь арочное окошко над дверью струился тёплый жёлтый свет лампы.

— Тпру! — совершенно излишне скомандовал мистер Килер.

Затем, словно и сам не вполне уверенный, куда именно приехал, он выглянул из коляски, оглядел дверь и дом, которому она принадлежала, откинулся на сиденье и торжествующе объявил:

— Ну вот и приехали! Да, сэр, вот и приехали!

Дверь открылась. Поток лампового света залил коляску и сидевших в ней людей. Юноша увидел на пороге мужчину и женщину.

Первой заговорила женщина. Она же и открыла дверь. Мужчина стоял позади и смотрел через её плечо — вернее, через голову, поскольку был высоким и широкоплечим, а она маленькой и худенькой.

— Это?.. — неуверенно начала она.

Ответил мистер Килер:

— Да, мэм, — с чувством объявил он, — он самый. Вот мы и приехали... э... э... как тебя там... Эдвард. Вылезай.

Пассажир выбрался из коляски. Женщина подалась вперёд, вглядываясь в него и сцепив руки.

— Ты... ты ведь Альберт? — спросила она.

Юноша кивнул.

— Да.

Она разняла руки и протянула их к нему.

— Ах, Альберт! — воскликнула она. — Я твоя бабушка. Я...

Мужчина перебил её:

— погоди, Оливия, пусть сперва войдёт. Заходи, сынок.

И, обратившись к вознице, распорядился:

— Лейб, отведи лошадь с коляской в сарай и распряги, будь добр.

— Да-а, да, да, — отозвался мистер Килер. — Конечно, капитан. Сейчас отведу... сию минуту. Ещё бы. Но!

Он поехал в дальний конец двора, где на фоне тёмного неба чернело большое строение, по всей вероятности сарай. По дороге он пел, а высокий мужчина на ступеньке проводил его взглядом и подозрительно принимался.

Тем временем юноша вслед за маленькой женщиной вошёл в дом, пересёк тесную переднюю, откуда почти невероятно круто уходила вверх узкая лестница, и оказался в большой комнате. Альберт успел заметить большие окна, заставленные растениями, картины с кораблями и шхунами на стенах и стол, накрытый на четверых.

— Снимай всё, снимай, — заторопилась бабушка. — Давай сюда, я возьму. Вот так! А теперь повернись, дай мне на тебя посмотреть. Стой, пока я тебя хорошенько не разгляжу.

Он стоял неподвижно, пока она осматривала его с головы до ног.

— Рот у тебя её, — медленно произнесла она. — Да, рот её. Волосы и глаза у неё были каштановые, а у тебя чёрные, но... но, по-моему, ты на неё похож. Ах, как же мне хотелось, чтобы ты был похож! Можно я тебя поцелую, Альберт? Ведь я твоя бабушка.

Смущённо и робко он наклонился к ней. Она обняла его за шею и поцеловала в щёку. Выпрямившись, он заметил, что высокий мужчина тоже вошёл в комнату и пристально смотрит на него из-под косматых седых бровей. Миссис Сноу обернулась.

— Ах, Зелотес! — воскликнула она. — У него рот Джейни, правда? И он ведь похож на неё, похож?

Муж покачал головой.

— Может, и так, мать, — ответил он с полуулыбкой. — Не мастер я разбирать, кто на кого похож. Ну, здравствуй, сынок. Рад тебя видеть. Я твой дед, понимаешь.

Они пожали друг другу руки, и каждый в это время рассматривал другого, составляя о нём мнение. Альберт увидел тяжёлую квадратную челюсть, обрамлённую бородой, твёрдый рот, серые глаза со множеством морщинок в уголках и густую шапку седых волос. Глаза смотрели прямо в лицо, словно пронизывали насквозь, читая мысли, угадывая побуждения и заодно определяя цену и самому человеку, и его мыслям с побуждениями.

Капитан Зелотес Сноу, со своей стороны, увидел высокого юношу, стройного, с прямой осанкой, чёрными выющимися волосами, большими чёрными глазами и правильными чертами лица. Хорош собой, даже красив — пожалуй, почти слишком красив; в этой красоте мелькало что-то чуть женственное. Капитан отметил хорошо сидящий костюм, дорогой галстук, золотую часовую цепочку.

— Гм! — хмыкнул капитан Зелотес. — Ну что ж, мы с бабушкой рады, что ты у нас. Пстой-ка, Альберт... тебя ведь так зовут, верно? Альберт?

Что-то во взгляде или в голосе деда вызвало в юноше странное чувство. Не совсем неприязнь — скорее желание противиться, упрямо стоять на своём. Ему показалось, что этот большой человек, так зорко глядящий из-под тяжёлых бровей, ищет в нём недостатки, заранее ожидает обнаружить что-нибудь дурное и едва ли не разочаруется, если не обнаружит. Несколько мгновений юноша выдерживал его взгляд, чувствуя, как к щекам приливает краска.

— Меня зовут, — отчётливо произнёс он, — Альберто Мигель Карлос Сперанца.

Миссис Сноу негромко вскрикнула.

— Ах! — вырвалось у неё. Затем она добавила: — А... а я думала... мы... мы поняли, что Альберт. Мы не знали, что ещё... не знали, что имя длиннее. Как ты сказал?

Её внук расправил плечи.

— Альберто Мигель Карлос Сперанца, — повторил он. — Моего отца... — теперь в голосе его звучала гордость, — моего отца звали Мигель Карлос. Конечно, вы это знали.

Он произнёс это таким тоном, будто знать об этом полагалось всему мирозданию. Миссис Сноу беспомощно посмотрела на мужа. Капитан Зелотес потёр подбородок.

— Ну-у, — сухо протянул он, — думаю, пока обойдёмся Альбертом. Нам, здешним, так сподручнее будет. Народ у нас простой, обыкновенный. Ужин-то готов, мать? Эл, должно быть, проголодался. Уж я-то, чёрт побери, наверняка.

— Но, Зелотес, может, ему хочется сперва подняться в свою комнату? Он ведь долго ехал в поезде; может, ему умыться надо или переодеться?

— Переодеться! Господи помилуй, Оливия, зачем ему переодеваться на ночь глядя? Ты ведь не собираешься переодеваться, сынок?

— Нет, сэр, пожалуй, нет.

— Вот и я о том. Умыться хочешь? Там, на кухне, таз, мыло и полотенце.

Он указал на кухонную дверь. В эту минуту она приотворилась, и из-за неё раздался бойкий женский голос:

— Ну что, ужинать будем? У вас там всё готово?

Ответил капитан Сноу:

— Ещё бы, Рейчел! Давно готовы, даже слишком. Давай сюда. Садись, мать. Садись, Эл. Ну, Рейчел, поднимай всех на борт!

Как выяснилось, бойкий женский голос принадлежал Рейчел. Сама она тоже была бойкой: лет сорока, полная, румяная и чрезвычайно деловитая. В мгновение ока она перенесла на стол блюдо с жареной скумбрией, печёный картофель, тушёную кукурузу, горячие булочки и всё остальное, а затем, к изумлению Альберта, сама уселась за тот же стол. Миссис Сноу представила их друг другу.

— Альберт, это миссис Эллис, она помогает мне вести хозяйство. Рейчел, это мой внук, Альберт... э... Сперанца.

Фамилию она произнесла почти извиняющимся тоном. Миссис Эллис даже не попыталась её повторить. Она протянула пухлую руку и сказала:

— Вот как? Очень рада познакомиться, Альберт. Ну что, как думаешь, понравится тебе в Саут-Харниссе?

Поскольку знакомство с посёлком у него было до крайности ограниченным, Альберт затруднился с ответом. Дед избавил его от необходимости отвечать.

— Господи, Рейчел, — заявил он, — он тут ещё и трёх квадратных футов не видел. На улице нынче темнее, чем у негра под исподней рубахой. Ну, Эл... то есть Альберт, как ты насчёт скумбрии? В трюме место найдётся? Столько хватит, а?

Миссис Сноу вмешалась:

— Зелотес, — укоризненно сказала она, — ты ничего не забыл?

— А? Забыл? Господи ты боже мой, и верно! Господи, благодарим Тебя за эти и за все прочие дары Твои. Аминь. Куда это я вилку дел? Проглотил, что ли?

Пока жив, Альберт Сперанца не забудет первого ужина в доме деда и бабушки. Всё было так странно, так непохоже на любую другую трапезу в его жизни. Еда вкусная, и её вдоволь, но какая необычная обстановка! Вместо размеренного, чинного школьного ужина — стол, на который сразу выставили всё, от рыбы до пирога; прислуга — или экономка, что для него означало одно и то же, — садится есть вместе с хозяевами и мало того, участвует в разговоре по меньшей мере на равных со всеми. Да и сам разговор был совсем другим. Начавшись с расспросов о дороге из городка в штате Нью-Йорк, где находилась школа, он в конце концов переместился в Саут-Харнисс и сосредоточился на маленькой особе Лейбана Килера, разговорчивого и певучего избавителя Альберта от станционной платформы.

— А где твои вещи, Альберт? — спросила миссис Сноу. — Я имею в виду сундук, дорожную сумку или что там у тебя было?

— Мои сундуки идут багажной доставкой, — начал юноша.

Капитан Зелотес перебил его:

— Сундуки? У тебя их больше одного?

— Да... да, три. Мистер Холден... это наш директор, понимаете...

— А? Директор? А, главный учитель у вас в школе? Да, да. Угу.

— Да, сэр. Мистер Холден говорит, сундуки должны прибыть через несколько дней.

Следующей подала голос экономка, миссис Эллис:

— Я правильно расслышала, ты сказал — три сундука?

— Да.

— Три сундука на одного мальчишку! Господи помилуй, да что же у тебя в них?

— Как... мои вещи. Одежда и... и всё остальное.

— Всё остальное — это уж верно. Ну надо же! Я, когда в Бостон еду, и один-то сундук едва набираю. А ведь побольше тебя буду... во всяком случае, в обхвате.

В этом сомневаться не приходилось. Капитан Зелотес коротко хохотнул.

— Тут ты, Рейчел, я бы сказал, не преувеличиваешь. Всякий раз, как вижу тебя с Лейбаном на прогулке, ему приходится держаться с солнечной стороны, иначе полное затмение получается. Кстати, о Лейбане... Скажи, сынок, как вы с ним доехали от станции?

— Хорошо. Только было очень темно.

— Ещё бы! Лейбан не особенно разговорчив был, а?

— Отчего же, сэр, говорил он довольно много, но большую часть времени пел.

Это простое сообщение вызвало удивительное волнение. Супруги Сноу и их экономка переглянулись. Капитан Зелотес откинулся на спинку стула и присвистнул.

— Фью! — произнёс он. — Гм! Вот те раз! Чёрт побери!

— Ах, боже мой! — воскликнула его жена.

Миссис Эллис глубоко вздохнула.

— Можно было ожидать, — сердито сказала она. — Давно пора. Он и так почти на месяц запоздал.

Капитан Сноу встал.

— Я ещё заподозрил, когда он к сараю поехал, — заявил он. — Слышал, вроде поёт. А что он пел, сынок? — внезапно повернулся он к внуку.

— Да... я не знаю. Я не особенно прислушивался. Понимаете, было довольно холодно и...

Миссис Эллис перебила:

— Не пел ли он там про свою дорогую ненаглядную, которая туфельки второго номера носит?

— Да... да, пел.

По-видимому, это всё решило. Миссис Сноу снова произнесла: «Ах, боже мой!» — а экономка тоже поднялась из-за стола.

— Вам лучше сию же минуту пойти в сарай, капитан Лоут, — сказала она, — и мне, пожалуй, тоже лучше с вами.

Капитан уже надел фуражку.

— Нет, Рейчел, ты мне не нужна. Думаю, справлюсь почти со всем, что там могло случиться. Если только он не уложил уздечку спать в стойло, а кобылу не повесил на крючья для сбруи, как-нибудь управлюсь. Интересно, далеко ли у него зашло. Про «Хайаннис на Кейп-Коде» он не пел, сынок?

— Нет.

— Хоть это утешает. Ну, не беспокойся, мать. Через несколько минут вернусь.

Миссис Сноу всплеснула руками.

— Ах, надеюсь, он сарай не поджёт! — горестно воскликнула она.

— Думаю, это нам не грозит. Нет, Рейчел, ты ужинай. Без тебя обойдусь.

Он тяжело прошагал в переднюю, и дверь за ним закрылась. Миссис Сноу с извиняющимся видом повернулась к озадаченному внуку, совершенно не понимавшему причины переполоха.

— Видишь ли, Альберт, — нерешительно начала она, — Лейбан... мистер Килер... тот человек, который привёз тебя со станции... он... он очень хороший человек, и твой дедушка его чрезвычайно ценит, но... но время от времени он... Ах, боже мой, не знаю, как тебе объяснить, но...

Миссис Эллис, очевидно, знала, как объяснить, потому что тут же вмешалась и всё объяснила:

— Время от времени он напивается, — отрезала она. — И как бы мне хотелось сейчас вцепиться в волосы тому негодяю, который дал ему выпить!

Альберта осенило.

— А! Ну да! — воскликнул он. — Мне показалось, что он ведёт себя немного странно, и один раз я словно почувствовал запах... Ах, так вот зачем он ел мятные леденцы!

Миссис Сноу кивнула. На мгновение воцарилось молчание. Вдруг экономка, послушавшая капитана Зелотеса и снова усевшаяся за стол, с грохотом отодвинула стул и поднялась.

— Двадцать два года ненавижу запах мяты, — объявила она и вышла на кухню.

Альберт смотрел ей вслед, когда бабушка коснулась его рукава.

— Лучше больше об этом при ней не говорить, — шепнула она. — Она очень болезненно это воспринимает.

Почему экономка должна особенно болезненно воспринимать то, что человек, привёзший его со станции, ест мятные леденцы, юноша решительно не понимал. Не вполне ясно было ему и то, почему подозрение в лёгком опьянении мистера Килера вызвало такой переполох в доме Сноу. Сам он скорее находил это опьянение забавным. Конечно, в школе достаточно часто читали наставления о вреде спиртного, а однажды старшеклассника — двадцатилетнего второгодника, которому следовало выпуститься ещё прошлой осенью, — исключили за то, что у него в комнате нашли пиво. Но во время долгих летних каникул, бесприютно проводимых то в гостиницах, то в недолгих гостеваниях у отцовских друзей, молодой Сперанца научился терпимости. В последние годы жизни Сперанцы-старшего терпимость была необходимой доб-

родетелью для всех, кто его окружал. Хлопанье пробок в любой час ночи и бутылки — полные, наполовину опустошённые, пустые — были для Альберта привычными звуками и зрелищами. Когда не раз видишь собственного отца сражённым весельем и все считают случившееся превосходной шуткой, поневоле становишься снисходительнее к чужим слабостям. Ну и что, если этот чудак старина Килер подвыпил? Стоит ли поднимать такой шум?

Да, решил он, странное это место — дом деда и бабушки. Предчувствие, что они могут оказаться деревенщиной, по-видимому, имело под собой все основания. Что подумал бы о них отец — его великий, всемирно известный отец? «Ба! Эти буржуа-янки!» Он почти слышал, как тот это произносит. Мигель Карлос Сперанца презирал — в частных разговорах — буржуазию янки. Он брал у неё деньги и женился на одной из её дочерей, но всё-таки её презирал. В последние годы, когда поток денег заметно оскудел, презрение усилилось.

— Ты ведь не станешь говорить о Лейбане при миссис Эллис, правда, Альберт? — продолжала миссис Сноу. — Ей это очень тяжело. Я потом объясню.

Он пообещал, подавив снисходительную улыбку.

Через несколько минут вернулись и экономка, и капитан Сноу. Последний доложил, что кобыла цела и невредима и стоит в своём стойле.

— Сбруя большей частью на полу валялась, но с Джесс всё в порядке, слава богу, — заметил капитан.

— Джесс — это наша лошадь, Альберт, — объяснила миссис Сноу. — Вообще-то её зовут Джессамин, но Зелотес, кажется, ни одного имени не может произнести целиком. Когда мы только её купили, я назвала её Магнолией, а он всё время звал её Мэг. Этого я вынести не могла. Возьми ещё варенья, Альберт, ну возьми.

Весь ужин Альберт с неловкостью ощущал, что дед поглядывает на него из-под косматых бровей, взвешивает, оценивает, читает насквозь. Его раздражали и это разглядывание, и искорка насмешливости, которая, как ему казалось, его сопровождала. Как он держит нож и вилку, как одет, какой у него галстук, как он ест, пьёт и говорит — капитан Зелотес словно всё замечал и всему назначал цену. Но какими бы ни были выводы из этого осмотра и оценки, он держал их при себе. Когда он обращался непосредственно к внуку, что случалось нечасто, замечания его касались самых обыденных вещей и, хотя звучали вполне доброжелательно, были кратки и деловиты.

Несколько раз миссис Сноу пыталась расспросить Альберта о школьной жизни, но муж всякий раз её останавливал.

— Не теперь, не теперь, мать, — говорил он. — Нынче ночью мальчишка никуда не убежит. Завтра тоже здесь будет, и ещё много дней после завтра, если... — и тут Альберту снова чудились лёгкая насмешка и лукавый блеск в глазах, — если мы, старомодные жители восточного побережья, не покажемся слишком уж простыми и обыкновенными для такого утончённого молодого человека. Нет, нет, не заставляй его сегодня разговаривать. Разве не видишь: он так хочет спать, что только и не смыкает глаз оттого, что приходится рот открывать, когда ест. Верно я говорю, сынок?

Это была чистая правда. Долгая дорога в поезде, пережитые волнения, холодное ожидание на станционной платформе и последовавшее за ним тепло комнаты, сытный ужин — всё это вместе вызывало такую неодолимую сонливость, что юноша уже несколько раз ловил себя на том, что нос его в весьма неизящном поклоне опускается к тарелке. Но сознание, что дед заметил его состояние, задевало самолюбие.

— Со мной всё в порядке, — с достоинством ответил он.

Почему-то это достоинство почти не подействовало на капитана Зелотеса.

— Гм... да, знаю, — сухо заметил тот, — только, думаю, в постели будет ещё больше порядка. Мать, покажешь Альберту, где ему на ночлег устраиваться? Чемодан твой в передней, сынок. Я его только что из сарая принёс.

Миссис Сноу осмелилась возразить:

— Ах, Зелотес, — воскликнула она, — неужели мы с ним совсем не поговорим? Ведь столько всего надо сказать!

— Завтра утром ничуть не хуже скажется, мать. Даже лучше: целый день впереди будет. Возьми лампу.

Альберт посмотрел на часы.

— Но ведь сейчас только половина десятого, — сказал он.

Капитан Зелотес, тоже взглянувший на часы — очень хорошие и очень дорогие, — чуть улыбнулся.

— В иной вечер половина десятого, — сказал он, — всё равно что в другой половина первого. Сегодня как раз такой вечер. Ну-ну, сынок, тебя уже сейчас на правый борт кренит. Когда дойдёт до нашего с тобой разговора, надо, чтобы оба были в полном порядке и на ровном киле. Рейчел, зажги-ка лампу.

Экономка принесла и зажгла маленькую переносную лампу. Миссис Сноу взяла её и пошла впереди в переднюю, к узкой, головокружительно крутой лестнице. Капитан Зелотес положил руку внуку на плечо.

— Спокойной ночи, сынок, — негромко сказал он.

Альберт посмотрел в серые глаза. Взгляд был не злой, но в нём всё ещё мелькала — или ему чудилось, что мелькала, — та самая лукавая, насмешливая искорка. Теперь она раздражала его сильнее прежнего: из-за неё он чувствовал себя совсем маленьким и оттого ещё больше упрямылся. Что-то от этого упрямства отразилось и в его глазах, когда он ответил на дедов взгляд.

— Спокойной ночи... сэр, — сказал он, никак не сумев удержаться от паузы перед последним словом.

Поднимаясь по крутой лестнице, он будто услышал, как высокий мужчина в столовой коротко хмыкнул или усмехнулся, — разобрать точно он не мог.

Спальня оказалась довольно просторной; вернее, была бы просторной, если бы тот, кто её проектировал, знал значение слова «квадрат». По-видимому, он его не знал и строил как придётся, вкривь и вкось: в стенах неожиданно открывались ниши, а из стен выступали стенные шкафы и дымоходы. В комнате было три окна, большая кровать, старомодный туалетный комод, ещё один комод с ящиками, умывальник и несколько старомодных стульев. Миссис Сноу поставила лампу на туалетный комод. Пока внук оглядывался, она тревожно наблюдала за ним.

— Тебе... тебе нравится? — спросила она.

Альберт ответил, что, пожалуй, да. Возможно, особой уверенности в его голосе не прозвучало. Он никогда ещё не видел подобной комнаты.

— Ах, надеюсь, тебе здесь понравится! Это была комната твоей матери, Альберт. Она спала здесь с семи лет и до... до своего отъезда.

Юноша с новым интересом огляделся, ощутив странное волнение. Комната его матери. Его мать. Он едва помнил её — вот и всё. Воспоминания были детскими и неполными, но всё же были. А она спала здесь; это была её девичья комната — до замужества, до того... задолго до того, как кто-нибудь вообще мог помыслить о существовании Альберто Мигеля Карлоса Сперанцы. Странно, удивительно об этом думать. Задолго до его рождения, когда она была на несколько лет моложе, чем он сейчас, она стояла здесь, смотрела из этих окон, она...

Бабушка обняла его за шею и поцеловала. Щека у неё была мокрой.

— Спокойной ночи, Альберт, — сказала она сдавленным голосом и поспешно вышла.

Он быстро разделся: в комнате было очень холодно. После отчаянной борьбы открыл окно и забрался в постель. Ворвавшийся ветер услужливо задул за него лампу. Он визжал и был под карнизами, а старый дом поскрипывал и стонал. Альберт натянул стёганое одеяло до

шеи и сосредоточился на том, чтобы уснуть. Он, едва ли помнивший пору, когда у него был настоящий дом, отчаянно тосковал по дому.

Внизу, в столовой, капитан Зелотес стоял, засунув руки в карманы, и смотрел сквозь слюдяные окошки печной дверцы на огонь. Жена подошла сзади и положила руку ему на рукав.

— О чём задумался, отец? — спросила она.

Муж покачал головой.

— Вот думаю, — сказал он, — что сказал бы мой дед, самый первый капитан Лоут Сноу, который этот дом построил, если бы узнал, что здесь поселится его праправнук — полукровка.

Последнее слово он произнёс с презрением.

Оливия крепче сжала его руку.

— Ах, не говори так, Зелотес, — взмолилась она. — Он ведь сын нашей Джейни.

Капитан открыл печную дверцу, мгновение посмотрел на раскалённые докрасна угли, затем снова захлопнул её.

— Знаю, мать, — угрюмо ответил он. — Ради той половины, что от Джейни, я и принимаю другую.

— Но... но, Зелотес, разве он не кажется тебе хорошим мальчиком?

В глазах капитана Лоута вновь мелькнула лукавая искорка.

— По-моему, он сам считает себя хорошим мальчиком, мать, — сказал он. — Ну ладно, ладно, пойдём спать.

Глава 2

История событий, приведших к тому, что в этот декабрьский вечер в родовом доме Сноу появился внук-полукровка, была в Саут-Харниссе давно известна. Началась она ещё в 1892 году.

Осенью того года капитан Зелотес Сноу находился в Саванне. Он командовал каботажной шхуной «Оливия С.», которая как раз выгружала сборный груз, готовясь принять рис и хлопок для отправки в Филадельфию. Вместе с капитаном в Саванне была его единственная дочь, Джейн Оливия, — ей едва исполнилось восемнадцать; хорошенькая, обаятельная, романтически настроенная девушка, по уши влюблённая в красивого баритона, певшего тогда в оперной труппе, выступавшей по общедоступным ценам. Именно из-за этого красивого баритона, испанца по имени Мигель Карлос Сперанца, Джейн Сноу и оказалась на отцовском судне. Капитан Лоут не имел обыкновения брать своих женщин в плавание.

— От юбок на палубе слишком тесно, — таково было его мнение.

Однако Джейн он взял с собой не только в это плавание, но и в предыдущее, в Рио. Капитан Лоут полагал, а его жена надеялась, что черед морских ветров выдует из головы девушки воспоминания о сеньоре Сперанце — «выветрит чеснок из башки», как не слишком изящно выражался капитан. Шестнадцатый и семнадцатый годы своей жизни Джейн провела в школе для девочек неподалёку от Бостона. Оперная труппа, в которой состоял Сперанца, выступала в одном из небольших театров. Несколько воспитанниц посетили ряд дневных спектаклей — разумеется, под надлежащим присмотром сопровождающих дам и преподавательниц. На этих спектаклях Джейн впервые увидела своего героя, великолепного в колете и трико, а в музыке и романтических переживаниях — великолепного вдвойне. Она и её подруги смотрели, слушали и поклонялись издали, как это свойственно юным девицам в подобных обстоятельствах. В таком поклонении нет особой опасности, пока поклонница находится на безопасном расстоянии от кумира. Но в случае с Джейн судьба убрала эту предохранительную преграду. Жена одного из друзей её отца была любительницей музыки. Сам друг, бостонский торговец по фамилии Коул, уже много лет имел деловые отношения с капитаном Зелотесом. У себя дома миссис Коул устраивала то, что ей нравилось называть «музыкальными чаепитиями». Джейн, очень полюбившуюся супругам Коул, часто приглашали на эти собрания, а поскольку Коулы принадлежали «к самым достойным людям нашего круга», школьное начальство разрешало ей принимать приглашения.

На одном из таких чаепитий самой яркой звездой оказался сеньор Мигель Карлос Сперанца. Сеньор, которому шёл двадцать девятый год, красивый, талантливый и колоритный, сиял во всём блеске. Не одно женское сердце, куда более опытное, чем сердце Джейн Сноу, затрепетало под его лучами. Джейн познакомилась с ним, они пожали друг другу руки, поговорили. На последующих чаепитиях встречи повторились: Сперанцу, со своей стороны, сильно привлекала простая, естественная школьница с Кейп-Кода. Дело было не только в красоте — хотя красотой она обладала, и притом необычной, — но и в чём-то другом, в обаянии личности, которое действовало на всех, кто с ней встречался. У красивого испанца было немало любовных увлечений, более или менее поверхностных, но здесь он столкнулся с чем-то иным, прежде ему неизвестным. Сначала он пустил в ход своё обаяние лениво и небрежно. К его удивлению, действие оказалось вовсе не сокрушительным. Если Джейн и была очарована, то ещё не покорена. Она оставалась милой, простой, прямодушной и прелестно недостижимой.

Сперанца сперва недоумевал, потом почувствовал себя задетым, а затем и сам безумно увлёкся. Он писал пылкие письма, умолял о свиданиях, не пропускал ни одного чаепития миссис Коул. Наконец он добился от Джейн признания в любви и обещания выйти за него замуж.

И на той же самой неделе мисс Дональдсон, начальница школы, обнаружила и прочла пачку писем сеньора к своей воспитаннице.

Капитан Зелотес как раз вернулся из плавания и находился дома. Вызванный из Саут-Харнисса, он приехал в Бостон и выслушал рассказ взволнованной мисс Дональдсон. Джейн была его радостью, его гордостью; её будущее составляло главную надежду и мечту его жизни. Когда-нибудь она выйдет замуж — хотя об этом ещё неопределённо долгие годы нечего и думать, — и, разумеется, её мужем станет... ну, возможно, не президент Соединённых Штатов, но, скажем, адмирал, или миллионер, или владетель целого флота пароходов, или кто-нибудь в таком роде. Мысль о том, что она может хотя бы задуматься о замужестве с комедиантом, казалась невероятной. Сам капитан никогда не бывал в опере и, более того, никогда не собирался туда идти. Насколько ему объяснили, там «целая шайка лицедеёв и лицедеёк часа два орёт и визжит под музыку». Его жена Оливия однажды побывала на оперном спектакле и утверждала, что больше всего это напоминало кошачью драку. Никто, кроме иностранцев, операми не занимался. А ко всем иностранцам вообще, и особенно к выходцам из латинских стран, капитан Зелотес Сноу питал ненависть, граничившую с фанатизмом.

И вот теперь его дочь, его собственная Джейни, получала страстные любовные письма от иноземного комедианта, испанца, «портиджи», «макаронника»! Когда капитана наконец убедили, что всё это правда и письма действительно адресованы Джейн, — а на это потребовалось некоторое время, — он прежде всего потребовал показать ему этого «портиджи». Мисс Дональдсон, разумеется, не могла немедленно предъявить виновника, но направила разгневанного посетителя в театр, где в то время выступала оперная труппа. Капитан Зелотес отправился туда. Сперанцы он не застал, зато вытряс из перепуганного служителя сведения о гостинице, в которой остановился певец. После этого капитан пошёл в гостиницу. Было одиннадцать часов утра; сеньор Сперанца находился в постели, и тревожить его было нельзя. Нельзя, значит? Да всеми великими и вечными... и так далее, и тому подобное, — сейчас его потревожат, и немедленно! А если кто-нибудь из гостиничной прислуги за это не возьмётся, капитан обойдётся без них. И гостиничное начальство предпочло вызвать своего постояльца, а не полицию. Так состоялась первая — и единственная — встреча отца и возлюбленного Джейн Сноу.

Встреча была недолгой, но оживлённой. Капитан Зелотес начал с того, что сам считал дипломатией. Перед отъездом из дому он заверил жену, а потом и встревоженную мисс Дональдсон, что никаких неприятностей не будет: всё уладится гладко и просто, «как с горки съехать; этот малый спорить не станет, вот увидите». Сделав такое предсказание, капитан счёл своим долгом позаботиться о его исполнении. Поэтому он принялся снисходительно объяснять: конечно, ему в некотором роде жаль молодого человека; молодость есть молодость, и, надо полагать, всё это вполне естественно, ну и так далее, сами понимаете. Но, разумеется, мистер Сперанца должен сознавать, что продолжаться это больше не может. Джейн — его дочь, семья у неё порядочная, а при таких обстоятельствах и мать её, и он сам, естественно, весьма разборчивы в том, с кем она водит знакомство, не говоря уже о замужестве, о котором ещё по меньшей мере десять лет нечего и помышлять. Разумеется, ему не хотелось бы... э... переходить на личности или что-нибудь в этом роде, и он, конечно, вовсе не собирается утверждать, будто мистер Сперанца недостаточно порядочный человек для... ну, для... для... Видите ли, не все ведь так разборчивы, как они с миссис Сноу. Однако...

Тут сеньор Сперанца его перебил. Он вежливо осведомился, не пытается ли говорящий внушить ему, Мигелю Карлосу Сперанце, будто тот не обладает достаточным положением, достоинствами, весом в обществе — как это у них называется? — чтобы считаться претендентом на руку дочери этого человека. Понимает ли мистер Сноу, с кем разговаривает?

Вскоре после этого встреча завершилась. Прощальное замечание капитана носило характер ультиматума. Сводилось оно к следующему: если Сперанца или любой другой проклятый проходимец вроде него осмелится хотя бы посмотреть в сторону Джейн Оливии Сноу, его

дочери, капитан лично позаботится, чтобы ответом на этот взгляд стал заряд картечи. Побелевший Сперанца, бешено жестикулируя, приказал изумлённому коридорному выставить эту «ба! свинью-идиота!» в коридор и немедленно проветрить комнату.

Удовлетворительно, как ему представлялось, разобравшись с наглым поклонником, капитан Зелотес вернулся в школу, чтобы приступить к задаче, которую считал сравнительно лёгкой: образумить дочь. Джейн всегда была послушной девочкой и нежно любила родителей. Конечно, поначалу она немного огорчится, но скоро всё забудет. Мысль о том, что она может напрочь отказаться забывать, что у неё есть собственная воля и решимость, ничуть не уступающая отцовской, от которого она их и унаследовала, капитану даже не приходила в голову.

Однако прозрение последовало быстро и было полным. Джейн не бушевала и не впадала в истерику, даже не плакала при нём. Но спокойно, упрямо выставив свой маленький квадратный подбородок, сообщила капитану Зелотесу, что любит Сперанцу, намерена выйти за него замуж и рано или поздно выйдет. Капитан бушевал, приказывал, убеждал, умолял. Да что с ней такое? Что на неё нашло? Неужели она больше не любит отца и мать, раз вздумала так себя вести? Нет, отвечала она, их она любит по-прежнему, но своего возлюбленного любит больше всего на свете, и никто — даже родители — не разлучит их.

В конце концов капитан Зелотес отступился. То есть перестал взывать к рассудку и упрашивать. Но от намерения настоять на своём он не отказался: будучи Зелотесом Сноу, на это он, разумеется, был не способен. Вместо того он увёз дочь домой, в Саут-Харнисс, где Оливия, плачущая и убитая горем, присоединила свои уговоры к его. Впрочем, убедившись в непреклонности Джейн, миссис Сноу, пожалуй, и сдалась бы. Только не её муж. Ему пришла в голову блестящая мысль. Предстояло плавание в Рио-де-Жанейро; он возьмёт с собой жену и дочь. Под их неусыпным надзором и вдали от влияния «этого портиджи» Джейн будет вне опасности и, возможно, всё забудет.

Джейн не возражала. Она съездила в Рио и вернулась. Всегда спокойная, внешне приветливая и тихая, она никогда не заговаривала о возлюбленном, если только её не спрашивали; но ни разу не отступила от своего решения не отказываться от него. Месяц Сноу провели дома. Затем Зелотес вместе с Джейн отплыл из Бостона в Саванну. Оливия с ними не поехала: море она ненавидела, а к этому времени и она, и муж уже несколько успокоились. Насколько можно было судить по внимательным наблюдениям за дочерью, та не писала Сперанце и не получала от него писем. Если сама она его ещё не забыла, то весьма вероятно, что он забыл её. Эта мысль приводила капитана в ярость, но одновременно и утешала.

Во время плавания в Саванну утешительное чувство всё крепло. Джейн словно повеселела. Послушной она была всегда, но теперь начала казаться почти беззаботной, разговаривала и даже иногда смеялась, как прежде. Капитан Зелотес мысленно похлопывал себя по спине. Хороший он придумал план.

А в Саванне однажды днём Джейн сумела ускользнуть от отцовского надзора, покинула шхуну и бесследно исчезла. В тот же вечер пришло письмо. Оказалось, всё это время она и Мигель Карлос Сперанца переписывались; как именно и при чьём содействии — так и осталось нераскрытой тайной. По предварительной договорённости он приехал в Саванну; они встретились, обвенчались и уехали вместе.

«Я люблю тебя, папа, — писала Джейн. — Я так сильно, так очень, очень сильно люблю тебя и маму. Пожалуйста, поверь мне! Но я люблю и его. И не могла от него отказаться. Ты поймёшь почему, когда узнаешь его, по-настоящему узнаешь. Если бы не тревога за вас, я была бы так счастлива! Знаю, сейчас ты не можешь меня простить, но когда-нибудь, я уверена, простишь нас обоих».

Читая это письмо, капитан Зелотес был бесконечно далёк от прощения. Старший помощник, находившийся рядом, когда капитан вскрыл конверт и прочёл послание, по-настоящему испугался, увидев выражение его лица.

— Побелел он, — рассказывал помощник. — Не побледнел, а именно побелел, как мертвец, или... или как у камбалы брюхо, что ли. «Господи помилуй, капитан, — говорю я, — что случилось?» Он не ответил, стоит и смотрит в письмо. Потом поднял голову, не на меня посмотрел, а словно кто-то другой по ту сторону каютного стола стоял. «Простить его! — говорит, медленно так, вполголоса. — Я его чёрную душу и в аду не прощу». Даю вам слово, как я это услышал, волосы под фуражкой дыбом встали. Если когда и было у человека убийство в голосе и во взгляде, так это у капитана Лоута в тот вечер. Я опять спросил, что случилось, — он и во второй раз не ответил. Через несколько минут ушёл к себе в каюту и закрыл дверь. До следующего утра я его больше не видел.

Капитан Зелотес не пытался преследовать беглецов. Он лишь позаботился удостовериться, что брак заключён законно, — и всё. Оставив шхуну в Саванне на попечение помощника, он отправился на север, к жене в Саут-Харнисс. Неделью пробыл с ней дома, затем вернулся на «Оливию С.» и вновь принял командование, исполняя обязанности так, словно ничего не произошло. Но случившееся изменило всю его жизнь. Он стал молчаливее, чуть менее снисходителен, немного жёстче и расчётливее. Прежде деловой успех и накопление денег занимали его главным образом ради планов на будущее дочери. Теперь он работал ещё усерднее, потому что работа помогала забыться. Он стал единственным владельцем «Оливии С.», затем приобрёл другие шхуны. О нём заговорили как о человеке, которому суждено разбогатеть.

После замужества Джейн прожила лишь несколько лет. Она умерла при рождении второго ребёнка, который умер вместе с ней. Первый, мальчик, родился через год после побега. Сообщая эту новость, она написала матери, и Оливия ответила. Она просила мужа позволить пригласить Джейн с младенцем погостить в старом доме. Поначалу Зелотес наотрез отказал: сама постелила себе постель — пусть на ней и лежит. Но ещё через год он смягчился настолько, что неохотно согласился на приезд Джейн с ребёнком, при условии, что её проклятый муж с ними не явится.

— Если этот подлый портиджи ступит на мою землю, я его убью, да поможет мне бог! — заявил капитан.

На его языке все иностранцы были «портиджи».

Но Джейн была такой же гордой и упрямой, как он. Туда, где не желали видеть её мужа, она не поедет. А немного позднее она отправилась в самое дальнее из всех путешествий. Сперанца не известил её родителей иначе как прислав газетную вырезку с сообщением о смерти и похоронах; вырезка пришла через неделю после погребения. Весть подкосила Оливию, и целый месяц она проболела. Капитан Зелотес перенёс её так же, как прежний тяжёлый удар, — внешне спокойно и молчаливо. Однако год спустя вдруг объявил, что решил оставить море и своё процветающее, всё разраставшееся судоходное дело, чтобы провести остаток дней на Кейп-Коде.

Оливия, разумеется, обрадовалась. Богатство — то есть всё, что превышало достаток, необходимый для удобной жизни, — её не прельщало. Старый дом, в котором жили три поколения Сноу, покрасили, отремонтировали и отчасти осовременили. Ещё год капитан Зелотес «бездельничал», как он выражался, хотя другие едва ли назвали бы бездельем его деятельность в доме и вокруг него. По окончании этого года он удивил всех, купив у наследников покойного Эбена Реймонда его торговое предприятие: скобяную лавку и лесной склад в Саут-Харниссе, включая контору, магазин и складские дворы возле железнодорожной станции.

— Надо чем-то заниматься, а то ракушками обрасту, — заявил капитан Лоут. — Тут и без меня хватает старых посуды, гниющих на якорной стоянке. В лесоматериалах я ничего не понимаю, а в скобяном товаре и того меньше, но, думаю, научусь.

Чтобы облегчить учение, он оставил на службе бухгалтера Лейбана Килера, занимавшего эту должность при прежнем хозяине.

Годы скользили мимо — целых двенадцать лет, — так же плавно и неторопливо, как всегда текли годы в Саут-Харниссе. Капитану Зелотесу перевалило за шестьдесят, но сил в нём было не меньше, чем в сорок; он оставался столь же упрямым, любил применять приёмы командования с капитанского мостика на суше, особенно на городских собраниях, и потому очень часто попадал в передраги. Он входил в совет городских старшин и имел обыкновение называть людей, чьи мнения расходились с его собственными, «узколобыми». Те в ответ обвиняли его в ослином упрямстве. Известная доля истины была у обеих сторон. Ненависть капитана к иностранцам ничуть не ослабела.

И вот в декабре 1910 года на него, словно гром среди ясного неба, свалилось наследство — внук. От сеньора Мигеля Карлоса Сперанцы супруги Сноу не получали никаких прямых известий — ничего, кроме уже упомянутой газетной вырезки. Оливия никогда его не видела; её муж видел только однажды, во время памятного разговора в гостиничном номере. Они никогда о нём не говорили, даже не упоминали его в беседах друг с другом. Иногда в бостонских газетах, среди музыкальных заметок или театральной хроники, появлялись его изображения в сценических костюмах. Но в последнее время это случалось всё реже. О его сыне, ребёнке собственной дочери, они не знали ничего: тот мог быть жив, а мог и умереть. Порой Оливия ловила себя на мыслях о нём, гадая, жив ли он и похож ли на Джейн. Но она отгоняла эти мысли: возвращаться к былым надеждам и их горькому крушению было невыносимо. Иногда капитан Лоут, сидя за столом в конторе фирмы «З. Сноу и К°. Лесоматериалы и строительные скобяные изделия», замечал, что мечтает о своей обожаемой дочери и думает, каким иным могло стать его будущее, выйди она замуж за «белого человека» — такого, какого он ей прочил. Сейчас подрастали бы внуки, славные мальчики и девочки, приезжали бы в старый дом в Саут-Харниссе.

— Ах, гм! Ну что ж!.. Лейб, давно у нас этот счёт Эбнера Паркера висит? Какого чёрта он не платит? Он, должно быть, думает, что мы тут подарки на церковной рождественской ёлке раздаём.

Сперва пришло письмо адвоката. Написанное в Нью-Йорке и адресованное «капитану Лотусу Сноу», оно с первых строк предполагало, что получателю отлично известно всё то, о чём он не имел ни малейшего понятия. Сперанца умер — это было ясно, — и из письма следовало, что он получил смертельные повреждения в автомобильной катастрофе, «о подробностях которой вы, разумеется, читали в газетах». Ни капитан Лоут, ни его жена ничего подобного в газетах не читали. Капитан в последнее время был очень занят и почти не заглядывал никуда, кроме политических новостей, а миссис Сноу никогда не читала об убийствах и несчастных случаях — во всяком случае, их подробностей. Она подняла испуганное лицо от письма, которое муж поспешил принести ей из конторы.

— Ах, Зелотес! — воскликнула она. — Он умер!

Капитан кивнул.

— Похоже на то, — сказал он. — Эта часть достаточно ясна, но читай дальше. За остальное я никак ухватиться не могу. Посмотрим, что ты в нём разберёшь, Оливия.

Далее сообщалось, что автор письма, будучи деловым советником мистера Сперанцы, «то есть имея на это звание не меньше, если не больше прав, чем кто-либо другой», был вызван после катастрофы, побеседовал с пострадавшим и узнал его последние пожелания.

«О своём сыне он говорил вполне связно, — продолжал автор, — и именно в связи с этим сыном я прошу вас о встрече. Мне следовало написать раньше, но я был занят вопросами, касающимися наследства мистера Сперанцы и его личных долгов. Последние, по-видимому, весьма значительны...»

— Ещё бы! — многозначительно заметил капитан Зелотес, прервав чтение жены и ткнув в эту фразу толстым указательным пальцем.

— «...А имущественные дела чрезвычайно запутанны, — продолжала читать вслух Оливия. — Полагаю, мне следует как можно скорее повидаться с вами по поводу мальчика. Не знаю, известно ли вам, что он учится в школе в —, штат Нью-Йорк. Склонен думать, что оставшееся имущество едва ли позволит оплачивать его дальнейшее пребывание там. Не могли бы вы найти возможность немедленно приехать в Нью-Йорк и встретиться со мной? Если нет, то в пятницу на следующей неделе я буду в Бостоне; не могли бы вы встретиться со мной там? Самому приехать к вам сейчас почти невозможно, и вы, разумеется, поймёте, что я действую в качестве своего рода временного душеприказчика лишь потому, что мистер Сперанца прежде был моим другом, а не потому, что имею какую-либо материальную заинтересованность в урегулировании его дел.

Искренне ваш,

Маркус У. Вейсман».

— Вейсман! Ещё один портиджи! — фыркнул капитан Лоут.

— Но... но что всё это значит? — взмолилась миссис Сноу. — Почему... почему он хочет с тобой встретиться, Зелотес? А мальчик... ведь... ведь это её мальчик. Он, должно быть, говорит о сыне Джейни, Зелотес.

Муж кивнул.

— Её и этого проклятого чужеземца, — пробормотал он. — Надо полагать.

— Ах, не говори так, Зелотес! Не надо! Он умер.

Губы капитана Лоута сжались.

— Умри он двадцать лет назад, всем было бы лучше, — проворчал он.

— Сын Джейни! — медленно повторила Оливия. — Ведь... ведь он теперь уже большой.

Почти взрослый.

Муж не отвечал. Засунув руки в карманы, он ходил по комнате.

— И этот человек хочет поговорить с тобой о нём, — сказала Оливия.

Помолчав, она робко добавила:

— Ты поедешь, Зелотес?

— Поеду? Куда?

— В Нью-Йорк? К этому адвокату?

— Я? Ни за что на свете! Какого чёрта мне к нему ехать?

— Ну... он ведь просит, понимаешь. Хочет поговорить с тобой о... о мальчике.

— Гм!

— Это её мальчик, Зелотес.

— Гм! Молодой портиджи!

— Не надо, Зелотес! Пожалуйста!.. Я знаю, ты не можешь простить этого... этого человека. Мы оба не можем его простить, но...

Капитан остановился на ходу.

— Простить его! — повторил он. — Мать, не говори глупостей. Разве он не отнял у меня единственное, ради чего я работал, строил планы, жил? Я...

Она перебила, положив руку ему на рукав:

— Не единственное, дорогой. Ведь у тебя была я.

Выражение его лица изменилось. Он посмотрел на неё сверху вниз и улыбнулся.

— Это верно, старушка, — признал он. — Ты у меня была, и слава за это Всевышнему. Да, ты у меня была... Но... — гнев вернулся, — когда я думаю, как этот проклятый мерзавец украл у нас дочь, а потом забросил её и убил...

— Зелотес! Что ты говоришь! Он её не убивал. Как ты можешь!

— Разумеется, я не хочу сказать, что он её зарезал. Но готов всем, что имею, поручиться: он сделал её несчастной. Послушай, мать, вы ведь с ней изредка переписывались. Хотя в одном письме она сказала, что счастлива?

Ответ миссис Сноу прозвучал несколько уклончиво:

— Несчастной она себя никогда не называла.

Муж фыркнул и снова зашагал взад и вперёд.

Немного погодя Оливия опять заговорила:

— До Нью-Йорка и правда далеко. Может, лучше тебе встретиться с этим адвокатом в Бостоне? Как ты думаешь?

— Ба!

Снова помолчали. Потом она произнесла:

— Зелотес?

— Да? — нетерпеливо отозвался он. — Что ещё?

— Всё-таки это её мальчик, правда? Наш внук, твой и мой. Не думаешь ли ты... не думаешь ли, что поехать — твой долг, Зелотес?

Капитан Лоут топнул ногой.

— Да гром тебя разрази, Оливия, перестань! — приказал он. — За столько лет могла бы уже знать: есть только одна вещь, которую я ненавижу больше, чем исполнять свой долг, — это когда мне о нём проповеди читают. Перестань! Ни слова больше!

Она и не сказала: многому научилась за долгие годы. Следующим к этой теме вернулся он сам. В полдень, придя домой обедать, капитан, когда они вставали из-за стола, спросил:

— Чемодан мой где, на чердаке?

— Да, кажется, там. А что?

Вместо ответа он повернулся к экономке, миссис Эллис.

— Рейчел, — сказал он, — поднимись-ка за чемоданом и принеси в спальню. Поторопись! Поезд в половине третьего, а сейчас уже почти час.

Обе женщины уставились на него. Первой заговорила миссис Эллис:

— Капитан Лоут, — воскликнула она, — вы что же, уезжаете?

Ответ хозяина был отрывист и вполне определён:

— Уеду, если мне вовремя принесут чемодан, чтобы я успел улечься и сесть в поезд. А будешь стоять тут и задавать вопросы — вероятно, останусь дома.

Экономка торопливо скрылась на чёрной лестнице. Миссис Сноу всё ещё изумлённо смотрела на мужа.

— Зелотес, — пролепетала она, — ты... ты...

— Сегодня вечером пароходом еду в Нью-Йорк. Я телеграфировал этому... Вейс... Вейс... как его там... этому адвокату-портиджи, что завтра утром буду у него в конторе.

— Но, Зелотес, мы ведь почти совсем об этом не говорили, ты и я. Можно было подождать, пока он приедет в Бостон. Зачем ехать так скоро?

Тяжёлые брови капитана сдвинулись.

— В прошлую пятницу ты ходила к зубному, — сказал он. — Почему не подождала до следующей недели?

— Да... что за вопрос! Зуб болел, вот я и хотела поскорее его вылечить.

— Угу. Так вот, этот зуб тоже болит, и я хочу либо вылечить его, либо вырвать. Одно из двух. Хочу отделаться от этой заботы... Да не разговаривай ты со мной! — раздражённо добавил он. — Сам знаю, что дурак. И... — он повелительно махнул рукой, — не смей ничего говорить о долге!

Через два дня он вернулся. Жена не стала расспрашивать, ожидая, пока он заговорит сам. Упомянутые годы совместной жизни научили её дипломатии. Оставшись с ней наедине, он посмотрел на неё и подёргал бороду.

— Ну, — произнёс он, — я его видел.

— Мальчика? — живо спросила она.

— Нет, нет! Конечно, нет! Мальчик в школе где-то на севере штата Нью-Йорк. Как бы я его увидел? Я видел адвоката и узнал про... про того, другого негодяя. Он погиб в автомобильной катастрофе; пьяный был, надо полагать. Насколько я понял, последние лет шесть или семь он сильно пил. Всегда жил на широкую ногу, как и вся его порода, и деньги, судя по всему, лились рекой, но в последнее время совсем покатылся под гору. Голос сдавал, и он, видно, это понимал. Теперь умер и оставил после себя только сундуки со сценическими костюмами, фотографии и... — презрительно добавил он, — письма от дур, да долги. О господи, долгов-то предостаточно!

— А мальчик, Зелотес? Сын Джейни?

— Он в этой школе уже почти десять лет, так адвокат сказал. Сам адвокат, кстати, довольно порядочный малый, хоть и чужеземец. Видно, знал этого... негодяя Сперанцу ещё в молодые годы, когда тот был поприличнее, — если он вообще когда-нибудь был приличным человеком, в чём я сомневаюсь. Но этот адвокат тогда с ним дружил и, когда тот попал в катастрофу, оказался едва ли не единственным настоящим другом. Притворных приятелей вокруг хватало: липли, как рыбы-лоцманы к акуле, чтобы за его счёт пожить. А настоящих друзей — раз-два и обчёлся.

— А мальчик...

— Господи помилуй, мать, не повторяй ты «мальчик», «мальчик», как говорящая машина! Дай сначала закончить про отца. Этот Вейс... э... как-бишь-его... адвокат довольно долго говорил со Сперанцей перед смертью, или уже когда тот умирал: после катастрофы он прожил всего несколько часов, да и то не всё время в сознании. Но успел сказать достаточно, чтобы Вейс... э... э... да почему я никак не запомню имя этого портиджи? Чтобы тот понял: он хотел бы поручить ему уладить оставшиеся дела и сообщить нам о... о мальчике. Ну вот! Надеюсь, теперь ты довольна, мать: наконец добрался до мальчика.

— Но зачем он хотел, чтобы нам сообщили, Зелотес? Он ведь за всю жизнь нам ни строчки не написал.

— Ещё бы! — горько отозвался капитан. — Знал, что лучше не писать. А зачем захотел сообщить теперь? Тут ответ простой. Что-то хотел от нас получить, вот зачем. Насколько адвокат смог понять и что выяснил после, там денег не хватит, чтобы мальчишке ещё шесть недель в той школе прожить, да и где угодно, если сам не заработает. А если нас не считать, по эту сторону солёного пруда у него ни одного родственника. По ту, наверное, миллион наберётся, в их Портиджии, — насмешливо фыркнул он. — Эти чужеземцы плодятся как мухи. Но те не в счёт.

— Но он хотел, чтобы нам сообщили о...

— Тсс! Говорю я тебе, Оливия, говорю. Он хотел, чтобы сообщили, потому что надеялся: мы — ты и я, мать — возьмём к себе его сына и дадим ему дом. Какова наглость! После всего, что он с нами сделал, проклятый! Бесстыдство-то какое, меднолобая наглость!

Он яростно зашагал по комнате. Однако мысль о дерзости Сперанцы, по-видимому, тревожила его жену гораздо меньше, чем его самого. Лицо её было встревоженным — да, но вместе с тем нетерпеливым, и она не сводила глаз с мужа.

— Ах! — тихо произнесла она. — Ах!.. И... и что же ты ответил, Зелотес?

— Что ответил? А как ты думаешь? Я отказал, да так, чтобы хорошенько расслышали.

Оливия промолчала. Она отвернулась, и капитан, теперь сам внимательно наблюдавший за ней, заметил на её щеке подозрительный влажный блеск. Он перестал ходить и положил руку ей на плечо.

— Ну-ну, мать, — мягко сказал он. — Не плачь. Он приедет.

— Приедет?

Она побледнела.

— Приедет? — повторила она. — Кто?

— Этот мальчик!.. Тсс, тсс! — нетерпеливо продолжал он. — Только не начинай спрашивать и напоминать, что я только что сказал. Сказал я всё правильно, но... Ну, чёрт побери, что ещё мне оставалось делать? Написал мальчишке — Альберту — письмо и школьному начальнику тоже написал. Послал чек на расходы и... В общем, со дня на день он, надо думать, будет здесь. И какого дьявола нам с ним делать?

На эту вспышку жена не ответила. Она дрожала от волнения.

— Его... его зовут Альберт? — неуверенно спросила она.

— Угу. Кажется, так.

— Но ведь это твоё второе имя! Как думаешь... неужели Джейни назвала его в честь... в честь тебя?

— Не знаю.

— Конечно, — с некоторой нерешительностью добавила она, — может, и не в твою честь. Вот если бы она назвала его Зелотесом...

— Господи боже мой, женщина! Разве одного такого имени в семье недостаточно? Слава богу, что от двух избавлены! Но вот... он едет. А когда приедет — что тогда?

Оливия обняла своего большого мужа.

— Надеюсь... да нет, я уверена, что ты поступил правильно, Зелотес, и всё обернётся к лучшему.

— Уверена? А я вот нет. Мне до уверенности ещё тысячу морских саженей.

— Он сын Джейни.

— Да. И сын того комедианта тоже. Один Сперанца едва не погубил нашу с тобой жизнь, Оливия. Что сделает этот?.. Ну, господь, надо полагать, знает, да не скажет. Нам остаётся только ждать и смотреть. Честно тебе говорю: больших надежд я не питаю.

Глава 3

В дверь резко постучали, затем послышался мужской голос:

— Эй, там! Просыпайся!

Альберт повернулся на другой бок, открыл один глаз, потом второй и приподнялся на локте.

— А? Чт... что? — пробормотал он.

— Семь часов! Пора вставать.

Это был голос деда.

— А... да, хорошо! — ответил он.

— Слышишь меня?

— Да... да, сэр. Сейчас спущусь.

Ступени заскрипели под ногами капитана Зелотеса. Альберт зевнул во весь рот, потянулся и высунул из-под одеяла одну ногу. Но тотчас втянул её обратно: ощущение было такое, словно он опустил ногу в ведро с холодной водой. Накануне вечером в комнате было холодно; теперь, очевидно, стало ещё холоднее. Очень хотелось повернуться на другой бок и снова уснуть, но он поборол искушение. Почему-то ему казалось, что оставить дедов зов без внимания было бы неразумно.

Стиснув зубы, он отбросил одеяло и спрыгнул на пол. И тут же подпрыгнул ещё раз: пол был словно ледяной. Окно стояло настежь, и он закрыл его, но тёплой батареи, к которой можно было бы прижаться, пока одеваешься, здесь не оказалось. Обязательного утреннего душа тоже не было — впрочем, это отсутствие огорчило его не слишком сильно. Он торопливо влез в одежду, налил из кувшина в таз ледяной воды, ополоснул голову и шею и, прежде чем причесаться, выглянул в окно.

Утро было морозное. Ветер стих, но прежде успел выдуть из воздуха последние следы тумана и дымки, и всё — от подоконника до горизонта — вырисовывалось чётко и ясно. Окно, по-видимому, выходило на заднюю сторону дома. Внизу лежала крыша кухонной пристройки, правее поднималась высокая крыша сарая. Над кухонной крышей и слева виднелись невысокие холмы, долины, клюквенные болота и пруд. Между ними петляла дорога, вдоль которой редко стояли дома — большей частью белые, с зелёными ставнями, хотя кое-где белизну сменяла серость некрашеной деревянной обшивки, потемневшей от непогоды. Длинное приземистое здание в полумиле от дома напоминало летнюю гостиницу, теперь закрытую, с наглухо затворёнными ставнями. За ним теснилась кучка серых сараюшек и поблёскивала вода — должно быть, причал и крошечная гавань. А дальше простиралось густо-синее, яркое море. Преобладали бурые и синие тона, но кое-где группы сосен и небольшие рощицы добавляли зелёные пятна.

Морозный воздух бодрил. Альберт ощутил необычную живость и желание действовать, которое удивило бы некоторых учителей недавно покинутой им школы. Вчерашняя подавленность исчезла вместе с мрачными предчувствиями. Этим утром он смотрел на жизнь с надеждой. Кое-как проведя гребнем по кудрям, он открыл дверь и спустился по крутой лестнице вниз.

Бабушка накрывала стол к завтраку. Он немного удивился, увидев её за этим занятием. Зачем держать прислугу, если всё делаешь сам? Впрочем, возможно, экономка заболела.

— Доброе утро, — сказал он.

Миссис Сноу, не слышавшая, как он вошёл, обернулась. Когда он подошёл, она поцеловала его в щёку.

— Доброе утро, Альберт. Надеюсь, ты хорошо спал?

Альберт ответил, что спал очень хорошо. Его слегка разочаровало, что бабушка никак не отметила поспешность, с которой он откликнулся на дедов зов. По его мнению, такая расторопность заслуживала похвалы. В школе давали два звонка с промежутком в десять минут, предоставляя человеку второй шанс. Среди старшеклассников считалось правилом хорошего тона пользоваться исключительно вторым. Здесь, по-видимому, полагалось вскакивать по первому. В том, как бабушка принимала это за нечто само собой разумеющееся, было что-то тревожное.

Она продолжала накрывать на стол и говорила за работой:

— Очень рада, что ты выспался. Некоторые в незнакомой комнате в первую ночь почти совсем спать не могут. Зелотес... то есть твой дедушка... пошёл посмотреть лошадь, покормить кур и поросёнка. Скоро вернётся. Тогда и позавтракаем. Ты, наверное, ужасно голоден.

На самом деле особого голода он не испытывал. Завтрак всегда был для него скорее формальностью. Но разнообразие съестного на столе его удивило. Тут были и печенье, и пончики, и даже половина яблочного пирога. Пирог на завтрак! Много раз он смеялся над этой газетной шуткой. Однако здесь это, по-видимому, была не шутка, а самая серьёзная действительность.

Дверь кухни открылась, и в щель просунулась голова миссис Эллис. К изумлению Альберта, верхняя её часть, начиная чуть выше бровей, была обмотана огромной повязкой. Нижняя являла собой картину безнадёжного страдания.

— Капитан Лоут ещё не пришёл? — слабым голосом осведомилась экономка.

— Ещё нет, Рейчел, — ответила миссис Сноу. — Но с минуты на минуту будет. Альберт уже спустился, так что можешь начинать подавать.

Голова исчезла. Когда дверь закрывалась, в комнату донёсся вздох предельной безысходности. Альберт встревоженно посмотрел на бабушку.

— Она больна? — нерешительно спросил он.

— Кто? Рейчел? Нет, не то чтобы больна... Господи, куда же я положила чистую салфетку?

Юноша усталился на кухонную дверь. Скажи бабушка, что экономка не то чтобы умерла, он, пожалуй, ещё понял бы. Но сказать, что она не то чтобы больна...

— Но... но почему у неё такой вид? — запинаясь, спросил он. — И... и зачем у неё это на голове? Она ведь стонала! Да она непременно больна!

Миссис Сноу нашла чистую салфетку и положила возле тарелки мужа.

— Нет, — спокойно ответила она. — У неё один из приступов сочувствия. Она так их и называет — приступы сочувствия. Они с ней случаются всякий раз, как Лейбан Килер принимается за очередной свой запой. Думаю, это нервы. Капитан Зелотес... твой дедушка... говорит, что всё это несусветная глупость. Что бы это ни было, хлопот хватает. А ведь в остальное время она такая рассудительная.

Теперь Альберт недоумевал ещё больше. Зачем миссис Эллис обвязывать голову и стонать из-за того, что маленький Килер загулял, — понять он решительно не мог.

Бабушка несколько прояснила дело:

— Видишь ли, они с Лейбаном помолвлены ещё с молодости. Его пристрастие к выпивке и мешает им столько лет пожениться. Пока он пьёт, она за него не пойдёт, а он всё зарекается, потом снова срывается. Между прочим, человек он хороший. Очень хороший и, когда трезв, до всего способный. А в последнее время... то есть последние лет семь-восемь, с тех пор как у нас в городской зале выступал лектор про месмеризм и телеграфию... нет, телепатию... передачу мыслей и прочее, — Рейчел и стала мучиться этими приступами сочувствия. Она утверждает, что употребление спиртного — болезнь, что Лейбан страдает, когда пьян, а они с ним так тесно связаны, что и она страдает точь-в-точь так же. Должна сказать, я за ним особенных страданий не замечала, по крайней мере поначалу: скорее кажется, что ему очень весело. А вот она, похоже, страдает. Не удивляюсь, что ты улыбаешься, — добавила бабушка. — С одной

стороны, это смешно, и странно, что такая практичная, здравомыслящая женщина, как Рейчел Эллис, может держаться подобных выдумок. Только нам от этого нелегко. Ничего ей об этом не говори и, главное, ни в коем случае над ней не смейся.

Смеяться Альберту хотелось чрезвычайно.

— Но, миссис Сноу... — начал он.

— Господи помилуй! Надеюсь, ты не собираешься называть меня миссис Сноу?

— Нет, конечно. Но, бабушка, почему вы с капитаном... с дедушкой держите у себя её и Килера, если от них столько хлопот? Почему не отпустите их и не наймёте других?

— Отпустить? Нанять других! Да мы никого другого и не найдём, кто мог бы их заменить. Они почти что члены нашей семьи. Во всяком случае, Рейчел: она здесь служит бог знает с каких пор. А Лейбан, когда трезв, почти всем лесным делом заправляет. К тому же люди они хорошие... почти всегда.

Ясно было, что в Саут-Харниссе живут не так, как в знакомом ему мире. Да, эти люди — деревенщина, и притом весьма странная. Потом он вспомнил, что двое из них — его дед и бабушка и что ближайшее его будущее, так сказать, находится в их руках. Эта мысль не слишком утешала и радовала. Он всё ещё размышлял о ней, когда дед вернулся из сарая.

Капитан поздоровался точно так же, как накануне пожелал спокойной ночи: пожал Альберту руку, и юноша снова почувствовал на себе взгляд, охватывающий его с головы до ног, и заметил тихий лукавый блеск в серых глазах.

— Хорошо спал, сынок? — спросил капитан Зелотес.

— Да... Да, сэр.

— Вот и хорошо. Судя по тому, что было, когда я утром в дверь постучал, старался ты вовсю. В семь часов подниматься тебе, небось, в новинку, а?

— Нет, сэр.

— А? Не в новинку?

— Нет, сэр. У нас в школе звонок к подъёму давали в семь. В четверть восьмого полагалось уже быть за завтраком.

— Гм! Полагалось, значит? А были-то вы там?

— Да, сэр.

Теперь в серых глазах отразилось удивление, которое Альберт отметил с внутренним торжеством. Во всяком случае, один раз он деда поддел. Он подождал, надеясь на новую возможность, но её не представилось. Вместо этого все сели завтракать.

Несмотря на утреннее солнце за окнами, завтрак проходил довольно мрачно. Тоска по дому, хотя и не такая острая, как накануне вечером, всё ещё давала о себе знать. Альберт чувствовал себя потерянным, одиноким, не в своей стихии. А чтобы довести уныние до совершенства, экономка и подавала, и ела с видом ближайшей родственницы покойного на поминальном обеде. Она двигалась медленно, тяжело вздыхала, а повязка на лбу возвышалась громадно и зловеще. Когда к ней обращались, она редко отвечала раньше третьего раза. Капитан Зелотес потерял терпение.

— Ещё яйцо будешь? — взревел он, вытянув руку и размахивая ложкой с яйцом почти у неё под носом. — Яйцо! Яйцо! ЯЙЦО! Если не слышишь, так понюхай! Только ответь, ради всего святого!

Результат этой вспышки оказался явно не тем, на который он рассчитывал. Миссис Эллис посмотрела сперва на яйцо, дрожавшее перед её лицом, потом на капитана. Затем поднялась и величественно удалилась на кухню. Дверь закрылась, но сквозь щель донеслось душераздирающее всхлипывание. Оливия положила нож и вилку.

— Ну вот! — в отчаянии воскликнула она. — Посмотри, что ты наделал. Ах, Зелотес, сколько раз я тебе говорила: когда она в таком состоянии, с ней надо тактично!

Капитан Лоут вернул яйцо в миску.

— Чёрт! — произнёс он с величайшим чувством.

Жена покачала головой.

— Бранью ты тоже ни капельки не поможешь. И потом, не знаю, что о тебе должен подумать Альберт.

Альберт, разрывавшийся между изумлением и неудержимым желанием расхохотаться, находился в весьма затруднительном положении и выглядел смущённым. Дед посмотрел на него и невесело улыбнулся.

— Думаю, от одного чёрта он замертво не свалится. Может, и раньше что-нибудь такое слыхивал. Или у вас там, в школе, только «ах, досада» говорят? — добавил он.

Не зная, что ответить, Альберт смутился ещё больше. Оливия, казалось, вот-вот заплачет.

— Ах, Зелотес, как ты можешь! — простонала она. — И именно сегодня! В самое первое его утро!

Капитан Лоут смягчился.

— Ну-ну, мать, — сказал он. — Виноват. Забудем. Извини, если напугал тебя, Альберт. Бывают минуты, когда только морские выражения и выручают... Ну, мать, что теперь? Как поступим?

— Ты и сам не хуже меня знаешь, Зелотес. Тут только одно и можно сделать: сию же минуту пойти и попросить у неё прощения. Она здесь, в Саут-Харниссе, без малейшего труда найдёт десяток мест. А если уйдёт, я просто не знаю, что буду делать.

— Уйдёт! Да она уйдёт не скорее, чем корабельная кошка за борт прыгнет. Она столько лет здесь живёт, что, даже если захочет, не сообразит, как уйти.

— Это ничего не значит. Повадился кувшин по воду ходить... э... э...

Продолжение пословицы она, очевидно, забыла. Муж пришёл на помощь:

— В стаю сбивается или мхом не обрастает, что-нибудь такое, а? Ладно, мать, не тревожься. Собственно, и повода нет, если учесть, что за последние десять лет мы через такое не реже раза в полгода проходим.

— Зелотес, пожалуйста, неужели ты не пойдёшь попросить у неё прощения?

Капитан отодвинул стул.

— Чтоб мне провалиться, хороши порядки, — проворчал он, — когда капитан должен идти извиняться перед коком за то, что кок свалил дурака! Хотел бы я знать, какой ром пьёт Лейб. Никогда не встречал другого такого, чтобы ударял в чужую голову. Двое пьяны, а пил один — это что-то...

Всё ещё бормоча, он исчез на кухне. Миссис Сноу слабо улыбнулась внуку.

— Наверное, ты думаешь, что мы странные люди, Альберт. Но такая помощница, как Рейчел, одна на тысячу, и обращаться с ней приходится по-особому.

Минут через пять капитан Лоут вернулся. Он пожал плечами и сел на своё место.

— Всё хорошо, мать, всё хорошо. Я тут масла на бурные воды вылил, море понемногу успокаивается. Ещё минута-другая — и она соблаговолит оказать нам милость: поесть вместе с нами.

Так и случилось. Она вошла в столовую с видом святой, идущей на мученичество, и остаток завтрака четверо сотрапезников провели почти в молчании. Когда поели, капитан спросил:

— Ну, Эл, прогуляться не хочешь?

— Да... да, сэр, пожалуй.

— Гм! Что-то особенной радости не заметно. Ходить пешком, может, не по твоей части? Больше привык в автомобилях разъезжать?

Миссис Сноу вмешалась:

— Не говори так, Зелотес. Он подумает, что ты над ним смеёшься.

— Кто? Я? Ничуть. Ну, Эл, хочешь пройтись со мной до лесного склада?

Юноша помедлил. Тихая насмешка в дедовом голосе снова приводила его в бешенство, как и накануне вечером.

— Вы хотите, чтобы я пошёл? — отрывисто спросил он.

— Да, пожалуй, хочу.

Не говоря больше ни слова, Альберт прошёл к вешалке в передней и начал надевать пальто. Капитан Лоут немного понаблюдал за ним, затем надел своё.

— К обеду вернёмся, мать, — сказал он. — Ну, Эл, давай вперёд, если готов.

За полмили пути до конторы и складов фирмы «З. Сноу и К^о. Лесоматериалы и строительные скобяные изделия» они почти не разговаривали. Капитан заговорил лишь однажды — как раз когда они вышли к высоким столбам у въезда во двор.

— Эл, не хочу, чтобы ты из-за того, что сейчас за столом случилось, — из-за этой глупости с Рейчел Эллис, — решил, будто твоя бабушка неразумная женщина. Разумная, и лучше её на свете нет. Вот этого не забывай.

Альберт, несколько ошеломлённый неожиданностью замечания, удивлённо поднял голову. Серые глаза смотрели на него сверху вниз.

— Я заметил, как ты на неё поглядывал, — продолжал дед, — словно раздумывал: то ли смеяться над ней, то ли жалеть. Не надо ни того ни другого. Она добрая, вот и терпит Рейчел с её глупостями. К тому же сама Рейчел девять десятых времени — здравый смысл и деловитость во плоти. Вообще, сынок, прежде чем решать, годится человек в настоящие матросы или только в чернорабочие, неплохо с ним хотя бы одно плавание пройти.

Кровь бросилась юноше в лицо. Он чувствовал себя виноватым и от этого сердился ещё сильнее.

— Не понимаю, — негодуя выпалил он, — с чего вы взяли, что я смеялся над... над миссис Сноу...

— Над твоей бабушкой.

— Ну... да... над бабушкой. Не понимаю, почему вы так говорите. Я не смеялся.

— Не смеялся? Хорошо! Рад слышать. Я бы и на твоём месте не стал. Она, пожалуй, окажется лучшим твоим другом на всём белом свете.

«Уж получше вас», — мелькнуло у Альберта, но эту мысль он оставил при себе.

Лесные склады располагались возле подъездного железнодорожного пути, неподалёку от станции, где накануне вечером он провёл свои несчастные полчаса. Тогда темнота помешала ему их разглядеть. Впрочем, едва ли они особенно заинтересовали бы его, даже если бы он их увидел. Не больше занимали они его и теперь, хотя дед лично провёл его между штабелями еловых, сосновых и тсуговых пиломатериалов, показывая, где что, и добавляя всевозможные пояснения.

— Это бруски два на четыре, — говорил он. Или: — А это балки покрупнее, разных размеров. — Или: — Тут хороший, чистый материал. Давно нам такой белой сосны не попадалось.

Он подробно объяснял, как удобнее подъехать с повозкой к тому или другому штабелю. Альберту было довольно скучно. Ему хотелось рассказать об огромных лесных складах, которые он видел в Нью-Йорке, Чикаго и других местах. На этого провинциального деда, придававшего столько значения своим маленьким штабелям брусков «два на четыре», он смотрел почти с жалостливой снисходительностью.

Почти то же самое, а пожалуй, и хуже, повторилось, когда они вошли в скобяную лавку и контору. Бесконечные ряды ящичков и коробок, к передней стенке которых были прикреплены образцы содержимого — шурупы, болты, крючки, ручки, — наводили ещё большую скуку, чем штабеля досок. Какой-то мужчина средних лет, с вполне деревенским видом, в рабочем комбинезоне подметал лавку, и капитан Зелотес представил его:

— Альберт, это мистер Иссахар Прайс, он здесь у нас работает. Исси, познакомься с моим внуком Альбертом.

Мистер Прайс посмотрел поверх очков, протянул мозолистую руку и произнёс:

— Да, да. Рад познакомиться, Альберт. Слышал я про тебя.

Про себя Альберт определил «Исси» как ещё одного забавного деревенщину. Что подумал о хозяйском внуке сам Исси, осталось неизвестным: он тоже держал своё мнение при себе.

Капитан Зелотес оглядел лавку и заглянул в контору.

— Гм! Ни следа, ни признака Лейбана сегодня утром, надо полагать?

Иссахар продолжал подметать.

— Ни единого, — лаконично ответил он.

— Гм! Слышал о нём что-нибудь?

Мистер Прайс смочил метлу в ведре с водой.

— Встретил Тима Келли, когда сюда шёл. Тим говорит, наткнулся на Лейбана вчера около десяти вечера. По его словам, Лейб уже двинулся в путь. Пел «Хайаннис на Кейп-Коде», так что Тим решил: начало положено основательное.

Капитан покачал головой.

— Ай-ай-ай! — пробормотал он. — Значит, следующую неделю, а то и больше, конторские дела самому вести. Гм! Надо же, как некстати, именно сейчас, когда я на него рассчитывал...

Фразу он не закончил, а повернулся к внуку:

— Эл, пока я почту разберу да сейф открою, осмотришь тут в лавке. Если чего не поймёшь, Исси объяснит.

Он ушёл в контору. Альберт без всякого интереса побрёл к окну и выглянул наружу. Если он чего-то в лавке не понимал, то вполне готов был и дальше оставаться в неведении. Всё это нисколько его не занимало. Через минуту кто-то тронул его за локоть. Он обернулся и увидел рядом мистера Прайса.

— Теперь могу тебе всё рассказать, — предложил Исси, не улыбаясь. — Подметать закончил.

Альберт развеселился.

— Думаю, я и сам разберусь, — ответил он. — Не беспокойтесь.

— Я и не беспокоюсь. Не верю я в беспокойство: по-моему, от него человеку никакой пользы. Но раз капитан Лоут хочет, чтобы я тебе скобяной товар показал, лучше сейчас, чем потом. Минут через десять Генри Кахун за дранкой повозку пришлёт, и придётся мне тебя оставить. Вот на этой полке у нас навесы, петли то есть, понимаешь. Тут латунные, а тут железные. Запас-то немалый, верно?

Своей могучей лапой он взял посетителя под руку и повёл от полок к ящикам, от ящиков к коробкам, всё время разговаривая, как показалось юноше, «точно каталог». Несколько раз Альберт пытался осторожно высвободиться и часто зевал, но ни зевки, ни намёки не действовали на проводника, целиком поглощённого делом — и жертвой, — находившимися у него в руках. Дольше всего Альберт задержался у окна, выходящего в сторону большой дороги. Там была видна девушка — издали она казалась довольно хорошенькой, — и молодой человек проявил вялый интерес. Недавно он открыл для себя, что хорошенькие девушки могут быть весьма занимательны; кроме того, одна или две из тех, с которыми он познакомился на школьных танцах, — когда воспитанницы пансиона сестёр Брэдшоу, под надлежащей охраной и при просмотром, приезжали танцевать ванстеп и фокстрот с юными джентльменами школы, — одна или две из этих барышень дали понять, что он им тоже небезразличен. Так что женская фигура по другую сторону дороги привлекла его внимание. Лишь слегка, разумеется: искушённого столичного человека не так-то легко заинтересовать. Но всё-таки слегка.

— Пойдём, пойдём, — поторопил Иссахар Прайс. — Я тебе ещё и половины не показал... А? Господи, вот уже и Кахунова повозка! Ладно, мне пора. Остальное в другой раз покажу. Бывай... А? Капитан Лоут тебя зовёт, никак?

Откликнувшись на дедов зов, Альберт вошёл в контору. Капитан сидел за старомодным письменным столом с закруглённой сдвижной крышкой, заваленным бумагами.

— Надо мне в банк сходить, Эл, — сказал он. — Там дело с векселем, которым Лейбан должен был заняться, да его нет. Скоро вернусь. Ты побудь здесь, подожди. Можешь пока книги посмотреть, если хочешь. Я их из сейфа вынул, на Лейбовом столе лежат.

Он указал на высокую конторку у окна.

— Стоит взглянуть хотя бы ради того, как аккуратно ведутся. Такие книги любому молодому человеку в пример поставить можно. Вот и полистай.

Он торопливо вышел. Альберт снисходительно улыбнулся и вместо того, чтобы рассматривать книги мистера Килера, подошёл к окну. Девушки теперь не было видно, но она могла вскоре появиться. Во всяком случае, поджидать её было не менее увлекательно, чем любое другое развлечение, какое только можно придумать в этой скучной дыре. Ах, гм! Интересно, как там ребята в школе?

Девушка не появлялась. Оживления на большой дороге было мало. Прошли один-два мужчины, потом стайка детей, явно направлявшихся в школу. Альберт снова зевнул, достал серебряный портсигар и с тоской посмотрел на его содержимое. Любопытно, какие у деда взгляды на курение? Но деда сейчас здесь нет... и, возможно, ещё какое-то время не будет... и...

Он вынул сигарету и с нарочитой небрежностью постучал её концом о портсигар — закурить без предварительного постукивания ему и в голову не пришло бы, — прикурил и выпустил большое, приятное облако дыма. Между затяжками он запел:

«К тебе, прекрасная дама,

Я поднимаю глаза.

Сердце моё, прекрасная дама,

Сердцу твоему взывает:

Приди, приди, прекрасная дама,

В райские сады,

Где сладкий, сладкий...»

— Простите, — произнёс кто-то позади.

Призыв к прекрасной даме оборвался на полуслове. Альберт резко обернулся и увидел в дверях конторы ту самую девушку, которую заметил по другую сторону дороги и нового появления которой поджидал у окна. Он посмотрел на неё, она — на него. Он смутился. Она, по-видимому, нет.

— Простите, — повторила она, — мистер Килер здесь?

Девушка оказалась хорошенькой, так что поспешная оценка, сделанная им при первом взгляде, была верна. Волосы у неё были тёмные, глаза тоже, а морозный воздух придавал щекам очень шедший ей румянец. Она была деревенской девушкой, о чём свидетельствовали шляпка и пальто: не то чтобы безвкусные или некрасивые, но простые и по фасону, пожалуй, ближе к тому, что воспитанницы пансиона сестёр Брэдшоу носили прошлой зимой. Все эти подробности Альберт заметил позднее. Сейчас его смущённое внимание особенно привлекало выражение тёмных глаз. В них чувствовалось почти то же тревожащее свойство, которое он заметил в серых глазах деда. Рот выглядел чинно и серьёзно, а глаза — так, словно она над ним смеялась.

Когда над тобой смеётся привлекательная барышня, это неприятно и сбивает с толку. Особенно если смех доносится из провинции, а тот, над кем смеются, — так сказать, — достойный и искушённый столичный мужчина. Альберт призвал на помощь своё достоинство и искушённость, страхнул пепел с сигареты и высокомерно произнёс:

— Прошу прощения?

— Мистер Килер здесь? — повторила девушка.

— Нет, он ушёл.

— Как вы думаете, скоро вернётся?

Альберт вспомнил недавнее замечание мистера Прайса о том, что отсутствующий бухгалтер положил «основательное начало», и чуть улыбнулся.

— Полагаю, не скоро, — заметил он с тонкой иронией.

— А Исси... то есть мистер Прайс занят?

— Кажется, он где-то во дворе. Хотите, я его позову?

— Да... пожалуйста... сэр.

Это «сэр» было лестно — если сказано искренне. Он взглянул на неё. Рот оставался таким же серьёзным, но насчёт глаз он всё ещё не был уверен. Впрочем, он предпочёл истолковывать сомнение в её пользу, подошёл к боковой двери конторы, ведущей во двор, открыл её и крикнул:

— Прайс!.. Эй, Прайс!

Ответа не последовало, хотя сквозь стук связок дранки он слышал голос Иссахара и ещё чей-то.

— Прайс! — крикнул он снова. — Пра-а-айс!

Стук прекратился. Затем в некотором отдалении над штабелем брусков «два на четыре» показалась голова Иссахара. Лицо его было взволнованным, лоб покрывал пот честного труда.

— А? — заорал Исси. — Что случилось? Ты меня, что ли, кличешь?

— Да. Здесь кто-то хочет вас видеть.

— Чего?

— Говорю, здесь кто-то хочет вас видеть.

— Зачем?

— Не знаю.

— Ну так узнай, не можешь, что ли? Я занят.

Неужели позади кто-то засмеялся? Альберт обернулся, но лицо барышни сохраняло прежнее серьёзное, даже скромное выражение.

— Зачем вам его видеть? — спросил он.

— Я хотела кое-что купить.

— Она хочет кое-что купить! — крикнул Альберт.

— Чего?

— Она хочет кое-что КУПИТЬ!

Кричать подобным образом было унизительно.

— Купить? Что купить?

— Что вы хотите купить?

— Крючок, только и всего. Крючок для кухонной двери. Не могли бы вы попросить его поторопиться? У меня мало времени.

— Ей нужен крючок!

— А? Какой ещё сверчок? Мы сверчками не торгуем!

— Не сверчок — КРЮЧОК! К-р-ю-ч-о-к! Да господа же! Крючок! КРЮЧОК! Для двери! И она просит вас поторопиться!

— А? Ну, сейчас я ни для кого торопиться не могу. Надо эту дранку погрузить, и весь сказ. Сам-то не можешь его обслужить?

Очевидно, пол покупателя всё ещё оставался для Прайса неясным.

— Крючок ему подать можешь, верно? Ты знаешь, где они, я показывал. Не забыл же так скоро.

Голова исчезла за штабелем. Лицо у неё было красным — но не краснее, чем в эту минуту у мистера Сперанцы.

— Деревенский болван! — презрительно фыркнул он.

— Простите, но вы уронили сигарету, — заметила барышня.

Альберт сердито захлопнул окно и отвернулся. Окурочек лежал там, куда упал, дымя и распространяя запах.

Посетительница посмотрела на него, потом на Альберта.

— На вашем месте я бы его подняла, — сказала она. — Капитан Сноу терпеть не может сигарет.

Забыв о достоинстве и возмущении, Альберт тревожно посмотрел на неё.

— Правда? В самом деле?

— Да. Ненавидит их больше всего на свете.

Владелец окурочка торопливо поднял его.

— Куда его деть? — поспешно спросил он.

— Почему бы вам... Ой, только не в карман! Вы же загоритесь. Скорее бросьте в печку.

Окурочек отправился в печку — весь, кроме запаха, который остался.

— Как вы думаете, вы всё-таки могли бы найти мне крючок? — спросила девушка.

— Попробую. Я в этих проклятых штуках ничего не понимаю.

— Ах! — невинно произнесла она. — Не понимаете?

— Нет, конечно. С какой стати?

— Разве вы здесь не работаете?

— Здесь? Работать ЗДЕСЬ? Я? Ну уж... нет... конечно!

— Ах, простите. Я подумала, вы, наверное, новый бухгалтер, или... или новый компаньон, или что-нибудь в этом роде.

Прежде чем ответить, Альберт несколько секунд пристально и подозрительно смотрел на неё. Она оставалась столь же скромной и серьёзной, но подозрения снова пробудились. И всё-таки она была хорошенькой — в этом сомневаться не приходилось.

— Возможно, я сумею найти вам крючок, — сказал он. — Во всяком случае, попробую.

— Большое вам спасибо, — благодарно отозвалась она. — Очень любезно с вашей стороны брать на себя столько хлопот.

— Пустяки, — небрежно сказал он. — Пойдёмте, может, вместе найдём.

Они всё ещё искали, когда в лавку, тяжело дыша, вошёл мистер Прайс.

— Уф! — с чувством произнёс он. — Если кто скажет, будто грузить связки дранки на платформенную повозку — работа лёгкая, передайте от меня, что он врёт. Уф! И почти всё самому ворочать пришлось: Кахун прислал править своего однорукого племянника. Велика помощь от однорукого, когда лес грузить надо! Я ему и говорю: «Какого, спрашивается...» А? Элен, здравствуй! Доброе утро. Господи помилуй, раненько ты сегодня, а?

Барышня кивнула.

— Доброе утро, Иссахар. Да, довольно рано, и я ужасно тороплюсь. Вчера вечером ветром распахнуло кухонную дверь, она ударилась о стену, и крючок сломался. Я обещала папе сбегать за новым и принести ему до школы. А сейчас уже без четверти девять.

— Господи, и правда! А... э... как его там... Альберт тебе ещё не нашёл? Ничего-то он у нас находить не умеет, верно? Придётся его получше обучить. Да уж!

Альберт саркастически засмеялся. Он уже собирался достойно и сокрушительно ответить на эту дерзость, когда мистер Прайс начал принохиваться.

— Что за чертовщина? — потребовал он объяснений. — Нюх-нюх! Кто тут курил? Да ещё сигареты, разрази меня гром! Нюх-нюх! Точно, сигареты! Кто тут сигареты курил? Узнай капитан Лоут, что у него здесь кто-то сигарету выкурил, ещё неизвестно, не прикончил бы его на месте. Кто это был?

Альберт похолодел. Девушка с тёмно-синими глазами быстро взглянула на него.

— Мне кажется, кто-то проходил мимо, когда окно только что было открыто, — предположила она. — Возможно, он курил и дым занесло внутрь.

— А? Ну, может. Только уж больно вонючая сигарета должна быть, чтобы всё помещение так пропитать, пока человек мимо окна прошёл. Уф! Господи! Недаром говорят, что эта дрянь — чистый яд. Я бы лучше скунсову капусту курил: пахла бы не хуже, а безопаснее куда как. Уф!.. Ну, Элен, вот такой крючок тебе, думаю, и нужен. Пятнадцать центов с тебя. За полцены и вовсе дёшево, а? Передай моё почтение папаше. Скажи, проповедь у него в прошлое воскресенье хорошая была, только мне больше понравилось бы, если бы он универсалистам покрепче всыпал. Люди, которые в ад не верят, по-моему, никакой снисходительности не заслуживают. Бывай, Элен... Ах да, — добавил он, словно спохватившись, — вы ведь с Альбертом не представлены, верно? Альберт, это Элен Кендалл, дочь нашего ортодоксального пастора. Элен, этот молодой человек — Альберт... э... э... Вот досада, я у капитана Лоута эту фамилию уж раз десять спрашивал! Как она там?

— Сперанца, — ответил обладатель фамилии.

— Вот-вот, Сперанди. Это Альберт Сперанди, внук капитана Лоута.

Альберт и мисс Кендалл пожали друг другу руки.

— Спасибо, — благодарно и многозначительно сказал он.

Барышня улыбнулась.

— Не за что. Я всё время знала, кто вы... или догадывалась. Капитан Сноу говорил мне, что вы приедете.

Она ушла. Иссахар, глядя ей вслед, восхищённо усмехнулся.

— Самая умная девушка в нашем городе, — с нажимом заметил он. — Первая ученица в старшей школе, а самой всего шестнадцать лет и девять месяцев.

Через несколько минут в контору торопливо вошёл капитан Зелотес. Он направился к своему столу, почти не обратив внимания на внука. Альберт празднично бродил взад и вперёд по конторе и лавке, наблюдая, как Иссахар обслуживает покупателей или, перекрикиваясь с кем-то, выбегает во двор, чтобы заняться другими. У Иссахара сегодня, очевидно, было много дел.

— Разрази меня гром! — воскликнул он, вернувшись из очередной вылазки и вытирая лоб. — За двоих работать — радости мало. Всякий раз, как Лейб в загул пускается, торговля словно бойчее становится, чем за весь прошлый месяц. Как будто всё мироздание да ещё часть Ист-Харнисса только и выжидали, пока он под мухой окажется, чтобы к нам за покупками заявиться. Тут поневоле за партию сухого закона голосовать захочешь. Я бы и проголосовал, ей-богу, кабы думал, что толк выйдет. Да не выйдет: Лейб тогда лавровый одеколон пить начнёт, или «Флоридскую воду», или ещё что-нибудь, как покойный Хоппи Роджерс. Джим Янг говорит, зашёл раз к Хоппи в парикмахерскую, а тот стоит, в руке бутылка нового средства для волос. «Коммивояжёр тут был, на пробу оставил, — говорит Хоппи. — Хотел, чтобы я попробовал: понравится — может, ещё куплю. Только я, пожалуй, не стану, — говорит. — Вкус мне не по душе». Да, сэр, Джим Янг клянётся, что так и было. Мало, видать, в том средстве убойной силы оказалось, не по Хоппиным меркам. Я... Да, капитан Лоут, что такое? Я вам нужен?

Но на этот раз капитану был нужен не мистер Прайс. Он позвал Альберта. Юноша вошёл в контору, а дед поднялся и закрыл дверь.

— Садись, Эл, — сказал он, указывая на стул.

Когда внук сел, капитан Зелотес откинул своё вращающееся кресло на пружинах и посмотрел на него.

— Ну, сынок, — произнёс он немного погодя, — что скажешь?

— Что скажу? Не совсем понимаю, о чём...

— О здешнем хозяйстве. Лавка, склады, всё дело. «З. Сноу и компания». Что скажешь?

Про себя Альберт был склонен определить всё предприятие как захудалое и провинциальное, но благоразумно решил не высказывать этого мнения. Поэтому выбрал средний путь и ответил, что «всё, кажется, вполне хорошо».

Дед кивнул.

— Благодарю, — сухо произнёс он. — Рад, что тебе так кажется. Ну, тогда на минутку другую переменим предмет разговора. А о себе что скажешь?

— О себе? Обо мне? Не понимаю.

— Да, полагаю, не понимаешь. Для того я тебя сегодня утром сюда и привёл, чтобы мы разобрались. Ты и я. Эл, ты думал, что будешь делать дальше? Чем жить станешь?

Альберт непонимающе посмотрел на него.

— Чем жить? — повторил он. — Но... я думал... я полагал, что буду жить у вас. У вас с бабушкой.

— Угу, понятно.

— Я как-то считал, что так и будет. Вы ведь сами велели мне сюда приехать. Вы забрали меня из школы, понимаете.

— Да, забрал. Знаешь почему?

— Нет, я... пожалуй, точно не знаю. Думал... полагал, потому что вы больше не хотите, чтобы я там учился.

— Не поэтому. Не знаю, захотел бы я, чтобы ты там учился, будь обстоятельства другими. По тому, что я слышал, место довольно расточительное, и, если судить со стороны, не слишком вдаваясь в подробности, я бы сказал: там мальчишке легко голову всякими глупыми и дорогими затеями набить. Конечно, могу ошибаться. Я в жизни хотя бы несколько раз да ошибался.

Было очевидно, что вероятность собственной ошибки в данном случае капитан считает крайне малой. Его тон снова пробудил в юноше упрямство, дух противоречия, желание встать на другую сторону.

— Это одна из лучших школ в стране, — заявил он. — Мой отец так говорил.

Капитан Зелотес взял со стола карандаш и легонько постучал тупым концом по подбородку.

— Гм, — задумчиво произнёс он. — Ну, надо полагать, он во всём этом отлично разбирался.

— Не хуже... большинства.

Перед последним словом Альберт сделал короткую, но выразительную паузу.

— Угу. Естественно, раз сам там учился, надо полагать.

— Он там не учился. Мой отец был испанец.

— Слыхал... Ну, что-то мы от темы отошли, верно? Национальность твоего отца пока оставим в покое. И школу тоже: будь она хоть лучшей на всём свете, вернуться туда ты не можешь. Я не считал бы правильным тратить столько денег ни на какую школу, а у тебя... ну, сынок, у тебя их для этого нет. Ты имел какое-нибудь представление, что отец оставил тебе из имущества, имеющего настоящую цену?

— Нет. Я знаю, у него всегда было много денег. Он был одним из самых знаменитых певцов в этой стране.

— Возможно.

— Так и было! — горячо воскликнул Альберт. — И за одну неделю он получал столько, что мог купить весь этот город... или почти весь. Да мой отец...

— Тсс! Тсс!

— Нет, я не стану молчать. Я горжусь своим отцом. Он был... великий человек. И... и я не позволю, чтобы вы...

Возмущение и волнение сдавили ему горло, и он не смог закончить фразу. На глаза навернулись слёзы.

— Не позволю ни вам, ни кому другому так о нём говорить! — яростно договорил он. Дед смотрел на него пристально, но совсем не зло.

— Я не порочу твоего отца, Альберт, — сказал он.

— Нет, порочите. Вы его ненавидели. Любому видно, что ненавидели.

Капитан медленно постучал карандашом по столу. Ответил он не сразу.

— Ну, — произнёс он немного погодя, — не знаю, вправе ли я это отрицать. Не знаю, могу ли отрицать и остаться честным. Много лет назад он отнял у меня то, что составляло три четверти всего, ради чего мне стоило жить. Когда-нибудь ты узнаешь больше, чем знаешь сейчас, и, возможно, лучше поймёшь мою точку зрения. Нет, твоего отца я не любил... А? Что ты сказал?

Альберт, что-то пробормотавший себе под нос, немного смутился. Однако увиливать не стал.

— Я сказал: думаю, отца это не слишком беспокоило, — угрюмо ответил он.

— Надо полагать, не беспокоило. Но сейчас мы об этом говорить не будем. В нашем разговоре меня интересуешь ты и твоё будущее. В школу вернуться ты не можешь, потому что у тебя нет денег. Всё, что твой отец оставил после смерти... Я говорю тебе чистую правду, и если выражаюсь довольно резко, то лишь потому, что, по-моему, с неприятным делом лучше разделаться поскорее... Так вот, всё, что он оставил, — долги. Денег едва хватило на похороны.

Потрясённый юноша смотрел на него. Дед чуть подался вперёд и хотел положить руку ему на колено, но Альберт резко отдернул ногу.

— Ну вот, Эл, теперь это позади, — продолжал капитан Зелотес. — Самое худшее ты знаешь и можешь сказать: «Ну и что?» Именно так: ну и что? Остаться без гроша, но со здоровьем и порядочной возможностью выбиться в люди — в семнадцать-восемнадцать лет это вовсе не такая уж плохая участь. У меня в пятнадцать было то же самое — если не считать возможности, — и с тех пор я нечасто кого об одолжениях просил. Знаешь, кем я был в твоём возрасте, ну, может, на месяц-другой постарше? Старшим помощником на трёхмачтовой шхуне. В двадцать стал капитаном, а в двадцать пять, клянусь Всевышним, уже владел долей в ней. Эл, сейчас тебе нужна только возможность взяться за работу. И я тебе её дам.

Альберт судорожно вдохнул.

— Вы хотите сказать... хотите, чтобы я стал... моряком? — запинаясь, спросил он.

Капитан Зелотес запрокинул голову и рассмеялся — громко, от души.

— Моряком! — повторил он. — Хо-хо! Неудивительно, что ты так перепугался. Нет, сынок, моряка из тебя делать я не собирался. Во-первых, морское дело теперь не то, что прежде; во-вторых, сомневаюсь, чтобы молодой человек с твоим воспитанием с первого дня сумел управиться с командой матросов. Нет, отправлять тебя в море я не намеревался... Как ты думаешь, для чего я привёл тебя сюда сегодня утром?

И тут Альберт понял. Понял, зачем его водили по лесным складам и скобяной лавке, почему дед и мистер Прайс так старательно всё показывали и объясняли. Сердце у него упало.

— Я привёл тебя сюда, — продолжал капитан, — потому что, прежде чем наниматься на судно, полезно его осмотреть. После найма отступать поздно. С тех самых пор, как решил позвать тебя жить к нам с бабушкой, я думал, чем тебя занять. Знал: если ты порядочный, стремящийся чего-то достичь молодой человек, то захочешь сам начать устраиваться в жизни. Нам... то есть нашему делу... такой молодой человек сейчас как раз пригодится. Он мог бы выучиться вести книги, разбираться в лесоматериалах и скобяном товаре, продавать и заку-

пять. Мог бы освоить всё дело целиком. Здесь есть возможность, сынок. Твоя возможность. Я её тебе даю. А насколько большой она окажется — будет зависеть от тебя самого.

Он умолк. Альберт молчал. Мысли путались, но из растерянного смятения, точно скалы из водоворота, выступали две-три ясные, неотступные мысли. Он будет жить в Саут-Харниссе всегда — всегда. Будет вести книги — господи, как же он ненавидел математику и всякую кропотливую работу! — вместо пьяницы старика Килера. Будет «ворочать лес» вместе с Исси Прайсом. Он... Нет, это ужасно! Это кошмар. Он не может! Он не станет! Он...

Капитан Зелотес наблюдал за ним, и по мере того, как затягивалось молчание, тяжёлые брови его сходились всё теснее.

— Ну? — спросил он ещё через минуту. — Ты слышал, что я сказал?

— Да.

— Понял?

— Да... сэр.

— Ну?

Альберт хватался за соломинку.

— Я... я не умею вести книги, — неуверенно произнёс он.

— Я и не думал, что умеешь. Не воображаю, будто в твоей школе учат чему-нибудь настолько полезному, как бухгалтерия. Но выучиться-то можешь?

— Полагаю... могу.

— Я тоже полагаю. Господи, очень на это надеюсь! Гм! Что-то ты от такой перспективы не прыгаешь до потолка. А в Саут-Харниссе полдюжины толковых молодых парней запрыгали бы, вот что я тебе скажу.

Альберт от всей души пожалел, что они не прыгнули — и не приземлились здесь — ещё до его приезда. Дедов тон стал резче.

— Ты работать не хочешь?

— Нет, я... пожалуй, хочу. Я... я об этом ещё мало думал.

— Гм! Значит, по-моему, пора начинать. У тебя вообще было какое-нибудь представление, чем хочешь заняться после своей школы?

— Я собирался в колледж.

— Гм!.. Да, надо полагать. А когда колледж закончишь, тогда что намеревался делать?

— Точно не знал. Думал, может быть, займусь музыкой. Я немного играю. Петь не могу... то есть недостаточно хорошо. Если бы мог... — с тоской добавил он, — конечно, хотел бы петь в опере, как отец.

Капитан Зелотес лишь фыркнул, или хмыкнул, или издал звук, соединявший то и другое. Альберт продолжал:

— Ещё думал писать... книги и стихи, понимаете. Для школьного журнала я довольно много написал. И, возможно, мне хотелось бы стать актёром. Я...

— Господи боже!

Дедов кулак обрушился на стол. Капитан медленно покачал головой.

— Стихоплёт и актёр! — повторил он. — Фью!.. Ну что ж. Пожалуй, пока нам лучше больше не разговаривать. Остаток дня можешь погулять по городу, осмотреться, если хочешь. А завтра утром придём сюда вместе и начнём тебя обучать. Не удивлюсь, — сухо добавил он, — если поначалу покажется скучновато по сравнению с твоей школой, сочинением стихов и прочим. Зато дело почтенное, и на жильё, одежду да изредка на еду заработаешь. Сейчас тебе это, может, и не так важно кажется, как покажется потом. А когда-нибудь, думаю... во всяком случае, будем надеяться... ты будешь очень рад, что за него взялся.

Бедный Альберт в эту минуту и видом, и чувствами был бесконечно далёк от радости. Капитан Зелотес стоял перед ним, засунув руки в карманы, и смотрел. Сам он тоже не выглядел особенно счастливым.

— Ты, наверное, помнишь, — заметил он, — а может, и не знаешь, что твой отец попросил нас о тебе позаботиться...

Альберт перебил:

— Отец... отец просил вас позаботиться обо мне? — удивлённо воскликнул он.

— Угу. Попросил человека, который был рядом, передать нам такую просьбу.

Юноша глубоко вздохнул.

— Ну, тогда, — безнадёжно произнёс он, — я... я постараюсь.

— Благодарю. А теперь ступай, погуляй, достопримечательности осмотри. Обед ровно в половине первого, так что приходи вовремя.

Когда внук ушёл, капитан ещё некоторое время стоял, не вынимая рук из карманов, и смотрел в окно. Наконец заговорил вслух:

— Комедиант или стихоплёт! Ай-ай-ай! Что ни говори, кровь сказывается!

Иссахар, подсыпавший угля в конторскую печь, повернул голову.

— А? — переспросил он.

— Ничего, — ответил капитан Лоут.

Он удивился бы, если бы мог увидеть своего внука в эту минуту. Альберт, забредший на берег в поисках одиночества, надёжно скрытый от чужих глаз песчаной дюной, лежал, уткнувшись головой в руки, и горько рыдал.

Беспристрастный наблюдатель мог бы решить, что только что состоявшаяся беседа, которая, как капитан Зелотес с надеждой говорил жене этим утром, должна была привести к «полному и приятному взаимопониманию между мной и мальчишкой», дала прямо противоположный результат. Рассчитывая, чего он добьётся этой беседой, капитан не принял во внимание двух обстоятельств: одного — со своей стороны, другого — со стороны внука. Этими обстоятельствами были предубеждение и темперамент.

Глава 4

На следующее утро Альберт поступил на службу в фирму «З. Сноу и К^о. Лесоматериалы и строительные скобяные изделия», испытывая примерно то же, что, должно быть, испытывает осуждённый, приступая к отбыванию пожизненного заключения. День — он готов был в этом поклясться — длился не меньше года. Между завтраком и обедом прошло добрых шесть месяцев, зато сам обеденный перерыв оказался самым коротким часом за всю его жизнь. Мистер Килер ещё не вернулся к своим обязанностям, поэтому уроков бухгалтерии не было; вместо этого дед давал Альберту подшивать письма и складывать длинные унылые столбцы цифр в счетах. Дважды капитан Зелотес выходил, и всякий раз, едва Альберт устраивался поудобнее, собираясь передохнуть, появлялся Иссахар Прайс, словно предупреждённый каким-то дьявольским чутьём, и придумывал сверку запасов или другую утомительную чёрную работу, не позволявшую расслабиться до возвращения капитана. Покупатели расспрашивали о нём, и его представили по меньшей мере дюжине жителей Саут-Харнисса. Узнав, кто он, те восклицали: «Вот те на!» и «Кто бы мог подумать!», а некоторые называли его «малышом», что само по себе было преступлением, заслуживавшим смертной казни.

В тот вечер, лёжа в постели в спальне окнами на задний двор, он заснул перед мрачной перспективой нового однообразного заточения завтра, послезавтра, на следующий день, потом ещё на следующий, и ещё, и ещё — без конца, навеки, до самой смерти. Вот, значит, чем закончатся все его мечты: подневольной работой в захолустном городке среди самых обыкновенных провинциалов. Вот чем кончатся мечты о том, как однажды он станет писать бессмертные оды и сонеты или захватывающие романы; как будет выходить на подмостки героем романтической драмы, а дочери мультимиллионеров со звёздами в глазах станут смотреть на него из лож в немом восторге. Вот...

Мысль о звёздных глазах напомнила ему девушку, вошедшую в контору в день его первого посещения этой камеры пыток. С той встречи он вспоминал о ней много раз — и всякий раз с унижением и обидой. Сам виноват: собственный глупый язык его подвёл. Когда она предположила, что он, возможно, служит в фирме «З. Сноу и К^о», он ответил: «Я? Работать здесь? Ну уж нет, конечно!» А она всё это время знала, кто он такой, и, должно быть, знала, что работать здесь ему предначертано. Его возмущало это её превосходство в осведомлённости. Он выставил себя дураком, но виновата в этом была она. Ну что ж, чёрт возьми, он здесь работать не станет! Убежит — вот что сделает. Покажет ей, и деду, и всем остальным, что к чему. Вечер за вечером он засыпал, клянясь убежать, совершить всевозможные отчаянные поступки, а утро за утром возвращался в контору.

На четвёртое утро блудный сын вернулся домой, заблудшая овца возвратилась в стадо — мистер Килер вновь появился за своим столом и приступил к обязанностям. Предвестие его возвращения обнаружилось ещё за завтраком у Сноу. Три дня миссис Эллис кутала голову в белое, а душу — в чёрное. Три дня излюбленным её сопровождением к разговору были стоны и вздохи. Теперь, на четвёртое утро, она появилась без повязки на лбу и без траурного крепа на душе. Не то чтобы она веселилась, но за весь завтрак не простонала ни разу, а дважды даже улыбнулась. Капитан Лоут отметил перемену, когда она ненадолго вышла из-за стола.

— Фью! — вполголоса произнёс он, обращаясь к жене. — Как же приятно видеть, что морщины на Рейчелином лице загибаются вверх, а не вниз. До смерти боюсь, как бы она когда-нибудь в мороз не вышла наружу во время одного из этих своих сочувственных приступов, да так у неё лицо и не застыло. Ну, Альберт, — повернулся он к внуку, — теперь флаг снова поднимем до самого клотика, а не на половину мачты. Жизнь перестанет быть вечным прощанием с покойником. Можно снять траур до следующих похорон.

— Да, — сказала Оливия, — и Лейбан тоже вернётся. Уверена, тебе без него ужасно трудно пришлось, Зелотес.

— Трудно! Ещё бы! Хотя бы потому, что его не было между мной и Исси. Когда Лейб здесь, Исси разговаривает с ним, а Лейб тем временем о своём думает, и ему это не мешает. Я так не умею, у меня барабанные перепонки истончаются, и от этого я нервничаю. Ты, наверное, заметил, что Иссина речь ручейком не назовёшь? — добавил он, обращаясь к Альберту.

Альберт заметил.

— Но почему Рейчел... миссис Эллис сегодня такая весёлая? — спросил он. — Она знает, что мистер Килер вернётся на работу? Откуда? Она ведь с ним не виделась?

— Нет, — ответил капитан. — Не виделась. Его вообще никто не видит. Он обычно куда-нибудь исчезает и, надо полагать, запирается в комнате, пока отпуск не кончится. Наверное, и так можно развлекаться, только я особой весёлости тут не вижу.

— Не надо, Зелотес, — сказала миссис Сноу. — Очень прошу тебя, не называй это развлечением.

— Я-то не называю, а Лейбан, видимо, считает. Если он это не ради удовольствия делает, то не знаю ради чего. Может, из чувства долга. Только не ради меня — уж это я знаю.

Альберт повторил вопрос:

— Но откуда она знает, что он вернётся сегодня?

Бабушка покачала головой.

— Вот это и есть загадка, — прошептала она. — Поневоле подумаешь, что в её разговорах об этой сочувственной связи что-то есть. Она его совсем не видит, а мы всегда по её настроению можем определить, когда он вернётся на работу. Если не сегодня, так завтра, вот увидишь. Больше чем на день она никогда не ошибается. По-моему, это и вправду что-то таинственное, только Зелотес надо мной смеётся.

Уголок рта капитана Лоута дрогнул.

— Да, мать, — сказал он, — примерно настолько же таинственное, как бой часов в полдень. Я почти наверняка знаю, что Лейб сегодня или завтра снова поднимется на борт, потому что его загулы больше пяти дней не длятся. Откуда она знает, не поручусь, а я знаю вот откуда. И уж совершенно точно никакого сочувствия с моей стороны тут нет.

Потом, словно спохватившись, что разговорился больше обычного, он отрывисто позвал:

— Пойдём, Эл, пойдём. На работу пора, сынок.

И действительно: проходя мимо окна конторы, Альберт увидел за высокой конторкой, на табурете, маленькую фигурку человека, который привёз его в вечер приезда. Ему было любопытно, как провинившийся станет извиняться или объяснять своё отсутствие. Но мистер Килер не сделал ни того ни другого, а капитан Сноу ни о чём не спросил. Вместо этого они поздоровались так, словно расстались в этой конторе вчера после окончания работы.

— Доброе утро, капитан Лоут, — спокойно сказал Лейбан.

— Доброе утро, Лейб, — так же спокойно ответил капитан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.